

**Скоро мы сможем
кардинально
изменить ситуацию.
(С. 9)**

**К сожалению, сегодня
русский язык нуждается
в нашей защите.
(С. 14)**

ДАГЕСТАН

**№1 (136)
ЯНВАРЬ 2017**

**«Дайте землю,
и мы всех
накормим»
(С. 30)**

**Мэр затопленной
дождями дагестан-
ской столицы отчи-
тываться не стал
и сам отчитал
журналистов в ходе
неформальной
встречи.
(С. 4)**

**Абдулатипов
практически дал
флаг в руки будущих
лидеров нации.
(С. 8)**

**Открыли подготови-
тельный класс,
в котором аварских
детей обучают
государственному,
то есть, грузинскому
языку.
(С. 37)**

**На свадьбах расхож-
дение кавказских
и шариатских
традиций было
особенно заметно.
(С. 42)**

15 января в Театре поэзии состоялась премьера документально-художественного фильма «Мурад Кажлаев – о музыке, о жизни, о себе». Фото Г. Расулова

Колонка редактора

Души прекрасные порывы...

«Нет глубокого анализа и объективной критики. Вы должны следовать славным традициям отечественной журналистики, прежде всего, публицистики. Пишущие люди должны держать руку на пульсе республики, в целом страны, дать направление власти и обществу. Освещать наиболее проблемные отрасли и предлагать пути выхода из кризиса...» – сказал на одной из встреч с представителями республиканских СМИ глава республики Рамазан Абдулатипов.

В целом согласен с главой, иначе зачем содержать огромное количество людей в государственных СМИ, если с этой задачей не справляются? Но есть одна проблема российской журналистики. Издания, которые находятся на государственном содержании, часто не могут выйти из шаблонов периода времен советов. Вместе с информацией о работе органов власти они дают новости не первой свежести, всем давно известные в силу технического прогресса и возможностей граждан получить информацию по новым средствам коммуникации.

Этот пробел вполне успешно восполняют частные СМИ. Но и там наряду с объективной критикой порой опускаются на уровень дешевой популярности, сплетен и интриг, далеких от реальной картины происходящего в республике. Чаще всего тексты эти бывают продиктованы необходимостью удержаться на плаву, выжить в условиях рынка. И это неудивительно, они не могут отличаться от остальной части граждан – не может быть в полностью зараженном, инфицированном обществе одна социальная группа совершенно здоровой. Удивляться этому не приходится, но стараться оставаться

чистым надо, ибо люди, говорящие о чести, прежде всего, сами должны придерживаться этих принципов.

Мы сегодня имеем дело с художественно-публицистическим журналом, который выходит ежемесячно. Перед журналом «Дагестан» поставлены амбициозные задачи по выводу издания на новый уровень. Руководство республики дало полный карт-бланш на объективный анализ, критику всего и вся – главное, чтобы это пошло на пользу обществу и в целом республике. Критика будет принята во внимание. Глава республики очень часто ставил резолюцию на материалы в журнале и отправлял разобраться в профильные ведомства. Надеюсь, и впредь будем придерживаться этой традиции.

Что касается духовной стороны, тут постараемся быть модератором всей литературной и культурной жизни республики. Предоставлять слово талантам, выявлять их и делать все возможное, чтобы их голос дошел до народа. С журналом «Дагестан» будут сотрудничать люди самых разных взглядов и мировоззрений, – главное, чтобы их голос волновал читателя и не оставлял равнодушными нас как к прошлому, так и к настоящему. На страницах журнала вы найдете переводные произведения национальных авторов в лучших традициях дагестанской словесности, русскую литературу, возможно, и переводы с других языков мира – если таковые будут. Литература современности и критика, классика и постмодернизм, – одним словом, все самое лучшее, что может выйти из-под пера писателя наших дней.

Магомед Бисавалиев

6+

ДАГЕСТАН

№1(136) январь 2017 г.

Выходит с августа 2002 года.
Периодичность – 12 раз в год.

УЧРЕДИТЕЛЬ

Министерство печати и информации
Республики Дагестан

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

АЛИЕВ М.И.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4,
2-й этаж (в здании Союза писателей Дагестана).

Телефоны:

67-02-03 (главный редактор)

67-02-08 (отделы)

<http://journaldag.ru>

E-mail: dagjur@mail.ru

НАШИ РЕКВИЗИТЫ:

Получатель: ИНН: 0562053040

КПП 057201001

УФК по РД (ГБУ РД «Редакция журнала
«Дагестан» л/с 20036Ш60490)

Банк: ГРКЦ НБ РЕСП. ДАГЕСТАН

БАНКА РОССИИ г. Махачкала

Р/С 40601810100001000001,

БИК 048209001

Назначение платежа:

13500000000000000130

(л/с 20036Ш60490)

Журнал зарегистрирован Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № 10-4793 от 23 июля 2002 года. Перерегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № ФС 77-36557 от 05 июня 2009 года.

ОГРН 1020502629927

Номер набран и сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан». Отпечатан в типографии ООО «Издательство «Лотос».

Адрес типографии: 367000, РД, г. Махачкала, ул. Петра I, 61.

Усл. п. л. – 7,5.

Тираж – 1500 экз.

Номер заказа –

Дата выхода –

Подписной индекс на год – 63280,

на полугодие – 78434.

Цена номера в киосках «Дагпечати» – 50 руб., у общественных распространителей – свободная.

Содержание номера:

Тамерлан Магомедов
Не верьте слухам
С. 4

Рамазан Рабаданов
О подвигах
Рамазана Абдулатипова
С. 8

Наида Хаспулатова
Природе
нужно помочь
С. 9

Влада Бесараб
Дело
патриотической совести
С. 14

Эдуард Эмиров
Вода нужна всем
С. 22

Андрей Меламедов
«Дайте землю,
и мы всех накормим»
С. 30

Аида Мирмаксумова
Грузинские аварцы
С. 37

Владимир Севриновский
Бисмиллях
С. 42

Мадина Рамазанова
Маэстро Хлебников
С. 46

Диляра Гайдарова
Долгая дорога домой
С. 50

Марьям Кабашилова
Небу вечно
снится облако...
С. 57

Фазир Муалим
Между двух зеркал
С. 59

Тамерлан Магомедов

НЕ ВЕРЬТЕ СЛУХАМ

Обезьяна вступила в свои права со злобной гримасы. Минувший год для дагестанцев по сути начался 29 декабря года 2015-го, когда на смотровой площадке у дербентской цитадели неизвестными были обстреляны мирные жители. Несмотря на резонанс, уголовное дело Следственный комитет возбудил вовсе не по факту терроризма, – очевидно, чтобы не портить позитивную статистику об отсутствии за последние 3 года терактов в Дагестане.

Отсутствие терактов, как и их наличие, в регионе стало, наверное, главным критерием оценки политической активности регионального руководства на Северном Кавказе. К примеру, основным кредо политического тяжеловеса Рамзана Кадырова

можно уверенно назвать борьбу с террористами. Естественно, что эта криминальная нестабиль-

ность напрямую связана с политической нестабильностью и в Дагестане.

Сами новогодние праздники в Махачкале сопровождались возмущением в СМИ и социальных сетях по поводу огромных гор мусора в Махачкале. Баталии на медийных просторах между администрацией столицы и представителями компании «ЭКО-М» стали главным политическим трендом января.

Глава администрации Махачкалы Муса Мусаев заявил: «Руководство компании только в мою бытность получило 84 милли-

она рублей. Городская администрация должна выплачивать компании 27% от общего объема

уборки мусора, а 73% компания должна собирать с горожан, и к этой задолженности мы не имеем никакого отношения. Обеспечивать платежную дисциплину населения и предпринимателей должно руководство компании».

Позднее выяснилось, что администрация города оплачивает «ЭКО-М» только за смёт с тротуаров и обочин улиц, а вся городская техника по вывозу мусора находится в управлении у ООО «ЭКО-М».

В январе случилась и некая «оттепель» в отношениях главы республики с силовиками, которых он в целом ранее критиковал. Несмотря на то, что госнаграды от главы республики получили в январе руководители республиканского

УФСБ и СУ СКР, очевидно с этого периода стали налаживаться отношения и с главой республиканского МВД Абдурашидом Магомедовым.

И если с представляющими федеральный центр силовиками республиканское руководство начало дружить, то с местными общественниками не заладилось. Победа на конкурсе «Человек года» общественного деятеля Магомеда Магомедова вызвала жесткую реакцию со стороны уполномоченного главы республики Алибека Алиева, выступившего в роли разоблачителя нечистоплотного, на его взгляд, общественника, которого с того времени больше видят в Москве, чем в Дагестане.

Едва забыв про незадачливого общественника, дагестанский обыватель погрузился в мир музыки, наблюдая за политической баталией в творчестве Ширвани Чалаева и Мурада Кажлаева за право на звание сочинителя республиканского гимна. В итоге Кажлаеву удалось взять реванш, а ряду дагестанских общественников напомнить о себе в СМИ в качестве защитников творчества Чалаева.

Зимнюю музыкальную феерию сменил весенний «бал гуманизма», когда, подхваченные политическим ветром, воспитанники интерната «Забота» оказались в эфире Первого канала. И сегодня уже не важно, как в реальности живут бедные дети, главное, что мы все поняли, как построен съемочный процесс в ток-шоу Андрея Малахова, и знаем, что в Инстаграме водятся только одни «кибер-боты», вся цель существования которых, – это атаки на аккаунт Рамазана Абдулатипова.

Очевидно, дрогнув под натиском трехсоттысячной на тот момент армии подписчиков инстаграм-сообщества «ТутДагестан», власти республики пошли на неожиданный шаг и добровольно демонтировали забор, который

окружал правительственный комплекс на центральной площади Махачкалы со времен его захвата сторонниками братьев Хачилаевых в 1998 году.

Захват правительственного комплекса не

спас братьев Хачилаевых от последующих действий силовиков, однако спастись от, казалось бы, неминуемой гибели сумел житель селения Кенхи Шаройского района Чечни Рамазан Джалалдинов. Обвинив власти соседней республики в коррупции, Джалалдинов скрылся в родном Дагестане, едва не спровоцировав тем самым межнациональный конфликт, но в итоге добившись улучшения условий жизни дагестанцев в Чечне.

На фоне затянувшегося детектива по спасению Джалалдинова от якобы разыскивающих его вооруженных чеченцев

большинство дагестанцев просто не заметило бы такой пустяк, как праймериз «Единой России», если бы в сети заранее не всплыли фотографии результатов этого тайного и честнейшего в принципе внутрипартийного голосования. Удивительно, но реальные результаты спустя неделю не сильно отличались от заранее кем-то сфотографированных.

Это вообще на Руси традиция такая, когда после победы над неприятелем, князь возводил в стольном граде храм. После успешного проведения праймериза, предрешившего результаты самих выборов, открытие Рамазаном Абдулатиповым православного храма в честь Святого Равноапостольного Великого князя Владимира выглядит не только логичным, но и очень выверенным политическим ходом.

Пока все республиканские СМИ переключились на изучение роли Абдулатипова в результатах внутрипартийного голосования, оказался позабыт прежний лидер медиа-рейтинга Сагид Муртазалиев, которого в мае сменил на посту

Мурад Кажлаев

управляющего дагестанским отделением Пенсионного фонда России Азнаур Гаджимирзоев, так и оставшийся для большинства «темной лошадкой». Смысл Гаджимирзоева так никто и не понял, ведь структуры по доставке пенсий за собой сохранили ставленники Муртазалиева.

С лета главной политической темой логично стали выборы, об участии в которых громко заявили несколько партий. С подачи, на тот момент заместителя главы администрации Президента РФ, Вячеслава Володина, заявившего о проведении в стране честных выборов, население республики пребывало в ажитации, готовясь к протестному голосованию и разгрому «Единой России» по образу муниципальных выборов в Буйнакске в 2015 году.

Несомненным лидером предвыборной гонки считалась партия «Народ против коррупции» (НПК), представители которой не сумели сформулировать ни тезис о «коррупции» в их понимании, ни определить перечень коррупционеров, однако активно проводили различные акции с портретами Владимира Путина в руках. Очевидно, предполагалось, что грозный взгляд Путина с плакатов просто испепелит всех коррупционеров.

Реальную конкуренцию НПК могло составить лишь отделение партии «Родина», которое при финансовых вливаниях и организаторских навыках бывшего начальника Дагестанавтодора Магомедрасула Омарова быстро расширяло свои ряды. Заявлять о себе в медиа-пространстве также пытался Алексей Казак, который, несмотря на приобретенные, по-видимому, специально для

дагестанского телевидения плохонькие костюмы, широко известен в околокремлевской тусовке и способен добиваться решения определенных вопросов на этом уровне.

Магомедрасул Омаров

Партию «Родина» с выборов сняли. Активно привлекавшая в свои ряды оппозиционеров, НПК слила их сама. А снимавшие их с выборов голоса на обнародованной кем-то аудиозаписи якобы с секретного совещания в вышеупомянутом правительственном комплексе так и остались не идентифицированными прокуратурой. Собственно, распознать среди такого многоголосья тембр речи Алексея Гасанова, Хизри Шихсаидова и Магомеда Сулейманова не смог и я.

Естественно, что битва юных ЛДПРовцев под предводительством Алексея Казака против «Единой России», возглавляемой словно высеченным из базальта Хизри Шихсаидовым, напоминала картину «Избиение

Юлия Юзик

младенцев» работы Питера Брейгеля (Старшего) – с той только лишь разницей, что современное политическое искусство в Дагестане пока не дотягивает до живописного искусства фламандцев XVI века. Увы, политического таланта одного Рамазана Гаджимурадовича на весь дагестанский истеблишмент не хватает.

Вишенкой на политическом торте Рамазана Абдулатипова стало участие в выборах самой одиозной российской партии ПАРНАС. Кстати, кидаться тортами в ее руководителя Михаила Касьянова никто не стал. Наоборот, представительницу партии журналистку Юлию Юзик встретили в Дагестане едва ли не с почестями, сопровождали, помогали проводить встречи и так же почетно проиграть. В итоге

оспаривать чистоплотность проведения выборов оказалось попросту некому.

Да и как тут поспоришь, если представитель ПАРНАСа Александр Ларенков публично заявил, что оппозиция в Дагестане проиграла объективно. Однако желающие оспорить выборы все-таки были, особенно после того, как глава ЦИК России Элла Памфилова заявила, что приедет для разбирательства по фактам нарушений в Дагестан. Правда, визит не состоялся ни через две недели, ни через два месяца. А отдельные замечания ЦИКа никоим образом картину выборов в Дагестане не поменяли.

Видимо, это и вызвало вспышку гнева у журналиста Максима Шевченко, не сумевшего принять участие в предвыборной гонке за мандатом депутата Госдумы от Дагестана. Сфокусировав первоначально свой гнев на работниках МВД, которые и выявили нарушения в процедуре сбора им необходимых для участия в выборах подписей избирателей, Максим Леонардович позднее избрал своим политическим оппонентом лично Рамазана Абдулатипова, которому предрекал неизбежную отставку после встречи с Владимиром Путиным.

Встреча с президентом действительно состоялась, однако отчитываться Рамазану Гаджимурадовичу пришлось не о результатах выборов, а о причинах массового отравления жителей Махачкалы. После первых осенних дождей, затопивших подвалы, вечно гнилые трубы водоснабжения стали подсасывать фекальные массы, протекавшие из столь же гнилых труб канализационных. Спасти население от этой беды, равно как и залатать все протечки, Рамазану Абдулатипову было не под силу, но отчитываться пришлось именно ему.

Однако мэр затопленной дождями дагестанской столицы отчитываться не стал и сам отчитал журналистов в ходе неформальной встречи. Видеозапись выступления Мусы Мусаева, по случайности попавшая в сеть, вызвала в соцсетях едва ли такой широкий резонанс, как скандальная ситуация вокруг его сына, который еще весной грубо нарушил правила дорожного движения и подрался с работниками полиции. Логичным результатом стало признание его худшим мэром России по версии центра информационных коммуникаций «Рейтинг».

Естественно, что решение Рамазана Абдулатипова наказать мэрию за провалы никого не удивило. Работы в итоге лишились главы двух районов Махачкалы, сам Мусаев получил выговор, что породило слухи о вероятности его отставки. Сам же Рамазан Гаджимурадович, с успехом завершив еще один год слухов о его скорой отставке, продолжит спокойно руководить республикой до конца своего срока. Оппонентов у него на сегодняшний день в республике нет, как и проблем со здоровьем.

Размышляя же о возможном источнике слухов об отставке главы Дагестана, должен признаться, пришел к выводу, что единственным источником этих слухов может быть сам Рамазан Абдулатипов. Об этом говорят и его опыт, и политическое чутье, и сами результаты распространения подобных слухов, которые раз за разом приводят лишь к укреплению Абдулатипова на посту главы Дагестана. Ну, ведь действительно, что может быть умней, чем тайно распускать слухи о своей скорой отставке, чтобы посмотреть, кто в них с радостью поверит и начнет налаживать связи с потенциальным «преемником»?

Максим Шевченко

Муса Мусаев

Рамазан Рабаданов

О ПОДВИГАХ РАМАЗАНА АБДУЛАТИПОВА

Это неизвестные подвиги Абдулатипова. В этом месяце исполняется ровно 4 года, как на Абдулатипова Рамазана Гаджимурадовича были возложены обязанности главы республики.

Ждал, пока провластные или оппозиционные СМИ под Новый год подведут итог или делают прогноз, но никто этого не сделал.

Первым итогом, хотите, назовите это подвигом, является то, что Абдулатипов вдребезги развенчал пословицу «один в поле не воин». Он приехал в самую большую республику Северного Кавказа один, в огромное логово коррупционеров, вместилище влиятельных кланов, сборище мафиозных лидеров, пожарище религиозных разборок и победил всех. Он и сейчас один.

Абдулатипов доказал всем возможным кандидатам на высший пост, что для наведения порядка не нужны ни кланы, ни силовики, ни большие деньги, ни большой тухум, ни специальные компетенции, ни даже сам народ. Народ до сих пор остается зрителем. Абдулатипов был один, и сейчас один в своем кабинете, и ни в ком не нуждается.

Это до сих пор было невероятным, но оказалось возможным. Это большой прорыв в сознании дагестанцев.

Если раньше дагестанец, имеющий качества лидера и потенциал масштабного руководителя, но не имеющий влиятельной поддержки и большого тухума, боялся заявить о своих претензиях, боялся быть съеденным кланами и мафией, не мог идти вверх в одиночестве со своими знаниями и энергией, то сейчас он может рискнуть.

Абдулатипов практически дал флаг в руки будущих лидеров нации. Идите, дерзайте, и ничего

не бойтесь. Это первый признак освобождения от рабства.

Второй подвиг Абдулатипова – это то, что он доказал, что можно держаться во власти и победить мафию без убийств. Нет у Абдулатипова большой армии, МВД не всегда к нему лояльно, а иногда даже явно шло против, не окружен он

гвардией убийц, наделенных полномочиями вершить судьбу любого, кто слово скажет против лидера. И слова говорят, и критикуют, и оскорбляют – кто как может. И в отличие от прежних, мутных и позорных времен, никому ничего за это сейчас не бывает. Никто в панике не бежал из республики, все остались на месте и не боятся за свою жизнь. Давно должно было быть так.

Абдулатипов на деле доказал, что не надо бояться мафии, не надо вечно перед ней лебезить, все время восхвалять и возвышать. Нужно и можно критиковать негодяев, выводить на чистую воду их грязные дела.

И народ это начал делать! Был, оказывается, в Дагестане народ! Он будто проснулся от многолетней спячки и стал открыто и без страха говорить о недостатках и неудобствах. Он ощутил свою значимость и свою роль в окружающей жизни. Это второй признак освобождения от рабства.

Кто-то говорит, что в Дагестане рабства не было. Кто-то говорит, что мы были из вольных обществ и ни от кого не зависели. Кто-то говорит, что нас от рабства не освободили. Помолчите!

Теперь Абдулатипову осталось совершить третий шаг – может быть, самый трудный и самый главный подвиг в своей жизни. Какой подвиг осталось ему совершить?

Наида Хаспулатова

ПРИРОДЕ НУЖНО ПОМОЧЬ

Нет дагестанца, особенно горожанина, которого не возмущали бы непрекращающиеся, несмотря на множество громких заявлений, вырубки последних деревьев в городах, да и повсюду на равнине, и мусорные свалки, которые захлестили не только города, но и уже портят горные пейзажи даже в самых отдаленных районах. По градостроительным нормам зеленые насаждения должны занимать минимум 40% площади городов, в Махачкале их всего 6%. При этом буквально на днях в Эльтавском лесу, расположенном на окраине Махачкалы, опять вырубili несколько гектаров леса. Вот так начался в Дагестане Год экологии.

О том, почему в республике уничтожают природу, как собирается ее восстанавливать ответственное за это ведомство, и чем Год экологии порадует дагестанцев, мы решили узнать у министра природных ресурсов и экологии Республики Дагестан Набиюлы Карачаева.

ЭЛЬТАВСКИЙ ЛЕС

К сожалению, этот год начался с того, что было вырублено 152 огромных дерева в Эльтавском лесу. Раньше он был площадью 72 га, в 2016 году оставалось 40, а сейчас вырублено еще 3 га. Сигнал нам поступил от Общероссийского Народного Фронта, мы выехали на место с комиссией. Застройщики предъявили разрешения на строительство на этом участке десятиэтажных домов, выданные начальником управления по вопросам координации капитального строительства администрации Махачкалы Магомедгаджи Залбековым. Они обязаны были взять в нашем министерстве разрешение на вырубку деревьев, но даже не обратились. Мы всю эту работу приостановили, у нас есть поручение главы Дагестана сохранить Эльтавский лес.

Составили протоколы, определили ущерб, сейчас собираем информацию по вырубкам деревьев, которую направим в прокуратуру и в администрацию Махачкалы – накажем застройщиков. И, вообще, в этом году мы собираемся сделать Эльтавский

лес особо охраняемой природной территорией, и тогда уже любое вмешательство и посягательство на целостность его территории будет уголовно наказуемо. Сделаем его лесопарковой зоной города, чтобы жители могли в нем гулять, дышать свежим воздухом. Статус особо охраняемой природной территории не позволит ни одному чиновнику выдать разрешение на строительство здесь.

«ЧЕРЕЗ ГОД МУСОРНЫХ СВАЛОК НЕ БУДЕТ»

Проблему мусора мы уже начали решать. Махачкалинскую свалку называли «вечным огнем», она горела более 20 лет, до меня ни один министр даже не собирался ее тушить. Мы же ее потушили, причем, без единой копейки бюджетных денег. Пригласили инвесторов, сказали, что дадим им возможность установить там мусоросортировочные линии. Жители Агачаула, которые десятки лет жили в вонючем дыму, были несказанно благодарны нам. Ситуация с мусором во многих дагестанских городах и районах мне не нравится, много мусорных свалок, я считаю, что главы городов и районов просто не могут организовать эту работу.

Скоро мы сможем кардинально изменить ситуацию. Есть Указ Президента Российской Федерации, постановления Правительства РФ, что полномочия по сбору твердых коммунальных отходов переходят к субъектам РФ. В Дагестане такими полномочиями наделили Министерство природных ресурсов и экологии РД. На основании этих документов мы сейчас утвердили схему. Надо принять еще два законодательных акта, и тогда мы будем готовы объявить тендер и определить операторов, которые будут заниматься твердыми коммунальными отходами на всей территории республики. В их полномочия будут входить: сбор мусора, транспортировка, сортировка, утилизация, строительство полигонов, мусоросортировочных и мусороперерабатываю-

щих заводов. Денег на это государство не выделяет, все это будет заложено в тарифы: операторы будут собирать деньги у юридических лиц и горожан. Соглашение с предпринимателем должно быть сроком не менее чем на 10 лет, так как если работать по всем правилам, вложенные деньги начнут приносить прибыль только через год-два. Сейчас договоры с этими службами заключаются на полгода-год, вследствие чего операторы не заинтересованы вкладывать серьезные средства, потому что на следующий год они могут остаться без работы. Конечно, это не значит, что, подписав долгосрочное соглашение, они могут делать что угодно. Если будут плохо выполнять свои обязательства, мы договор тут же расторгнем.

В Дагестане живут 3 миллиона человек. Чтобы бизнес был рентабельным, оператор должен обслуживать минимум 350 тысяч. Мы разделили республику на 6 частей, на каждого оператора в среднем по 500 тысяч населения; в каждую часть входят город и несколько горных районов в нагрузку – потому что там рентабельность гораздо ниже. Так мы охватим весь Дагестан. До 2019 года перейти на эту схему обязаны все российские субъекты, мы всю работу планируем завершить в этом году. Когда «передадут мусор» Минприроды, если я здесь буду продолжать работать министром, то люди сразу увидят, что их города и села стали чище.

Мусорный бизнес выгоден. Я изучил работу в других субъектах, в Санкт-Петербурге. Мы сейчас начали заниматься сортировкой мусора,

в перспективе 80% мусора должно сортироваться. Мы планируем построить еще много мусоросортировочных заводов, ведем переговоры с инвесторами.

КАСПИЙ, ОЗЕРА И РЫБА

Последние десятилетия, когда земля на равнине резко подорожала, в Дагестане застройщики начали уничтожать озера. Высушили и частично засыпали озеро Ак-Гель и Грязевое озеро в Махачкале, Аджиджи – в Каякентском районе, озера Малое и Большое Турали между Махачкалой и Каспийском. Рамазан Абдулатипов в своем Послании Народному Собранию поставил задачу, что надо восстанавливать

гидрологический режим озер и рек. Мы, изучив ситуацию, поняли, что надо восстанавливать все озера, которые находятся на побережье Каспия, иначе не получится заниматься развитием рыбной отрасли, развитием агропромышленного комплекса, и не будет возможности восстановить биологическое разнообразие на территории республики, так как каспийская рыба осенью и весной поднимается на нерест в пресную воду. Дагестан в свое время занимал первое место по биологическому разнообразию.

Мы начали восстанавливать эти озера. Восстановили Аджи площадью 600 га, соединили его с Каспийским морем – туда уже начала подниматься рыба, прилетели птицы из других государств. Малое и Большое Турали, почти полностью высушенные, успели полностью распределить на земельные участки. Мы этот беспредел остановили, открыли и канал, и шлюзы, запустили туда воду, выпустили миллион мальков рыбы, Большое Турали будем использовать в лечебных целях, там грязь лечебная. Взять, к примеру, озеро Ак-Гель в центре Махачкалы – когда-то его площадь составляла 200 га, сегодня мы вынуждены констатировать, что осталось 103 га. Когда Рамазан Гаджимурадович дал поручение взять это озеро в аренду и восстановить, мне в Министерстве имущественных отношений сказали, что озера Ак-Гель уже нет, оно полностью распределено под земельные участки. Мы разработали проект его экологической реабилитации, получили

на него положительную экспертизу и включили в федеральную целевую программу «Развитие водохозяйственного комплекса». В этом году мы получим из федерального бюджета 72 миллиона рублей, это позволит начать восстановление и благоустройство всей прибрежной территории; из тех 20 га, которые уже засыпаны, сделаем парковую зону. Никакие строительные работы там сейчас не ведутся – мы все остановили. Уже запустили много мальков, провели соревнования по спортивно-любительскому рыболовству; фестиваль «Каспийской рыбы» будет ежегодным. Но к прежним раз-

мерам Ак-Гель уже не вернуть – на «отвоёванной» у озера земле построены многоэтажные дома. Как только я приступил к обязанностям министра, дальнейшая застройка прекратилась.

Очень много обращений было по озеру Муравейник – между Махачкалой и Сулаком. Кстати, Муравейником в свое время его назвали потому, что оно буквально кишело рыбой и птицей. Но в последние несколько лет там высушили сотни гектаров водной глади, собирались продать их под дачные участки. Мы построили там вал, соединили с Тереком, запустили воду. Теперь в озере опять водится рыба, вернулись птицы, прилетают даже краснокнижные пернатые. Мы считаем одной из основных задач нашего министерства восстановить традиционный «шелковый путь» и рыбы и птицы.

Серьезной остается проблема чистоты Каспия. 50 процентов всех канализационных стоков направляются напрямую в море; в Избербаше, Дербенте, всех прибрежных поселках и селах вообще нет очистных сооружений. Этот вопрос не входит в юрисдикцию нашего министерства, этой проблемой должны заниматься главы муниципальных образований. Надо входить в федеральные целевые программы, готовить документы, ездить, душой болеть за свой город и район. Но не делают, все стройки очистных сооружений заморожены.

Я как министр могу только административный протокол составить, но это не решение проблемы, потому что для нее нужны огромные средства, в республиканском бюджете таких денег нет.

БЕТОННЫЕ ГОРОДА

В любом городе нужен хозяин. Вот вырубил 3 гектара Эльтавского леса. Кто дал разрешение? Администрация Махачкалы. Поступил сигнал, что работники Горзеленхоза приехали на вырубку 30 деревьев на Ирчи Казака, около банно-прачечного комбината. Я тут же позвонил начальнику УЖКХ, подняли шум. И так по

всему городу – мы, как пожарные, бегаем; вроде бы руководство Махачкалы должно быть заинтересовано, чтобы город был уютным и красивым, чтобы соблюдались градостроительные нормы, а в нашем городе зеленых зон в 7 раз меньше, чем положено. И все равно уничтожаются парки, скверы, бульвары, зеленые насаждения, дворы продаются. У каждого руководителя есть заместители, которые и подписывают разрешительные документы, а руководитель с наивными глазами говорит: «Я ничего не знаю, я ничего не подписывал». Хаос.

Гору Тарки-Тау на территории Махачкалы мы объявили особо охраняемой территорией. На ней произрастает 270 разновидностей флоры, 70 из которых занесены в Красную книгу, и их надо сохранить. Жители поселков Тарки, Кяхулай, Альбуригент более 20 лет обращались с этой просьбой, сейчас эта гора находится под защитой государства. Придать такой статус – это единственное, что мы можем сделать. Всей землей распоряжаются муниципалитеты.

Но бездействовать наше министерство не собирается. Мы постоянно собираем информацию, подаем материалы в прокуратуру и суды, у нас почти каждый день судебные заседания. Министерство природных ресурсов и экологии

предъявило ущерб на 80 миллионов рублей городу Дагестанские Огни и поселку Красноармейск по несанкционированным свалкам. Много исков мы предъявляем по вырубке зеленых насаждений, незаконной добыче песка на побережье моря, по кирпичным заводам. По Махачкале собралось много материалов по несанкционированным свалкам, готовим их к передаче в прокуратуру.

Природе очень важна помощь жителей городов и районов. Огромное спасибо жителям Махачкалы, которые вышли и защитили Эльтавский лес, иначе его вообще полностью вырубил бы, отстояли сквер на улице Венгерских бойцов. К сожалению, есть чиновники, готовые идти на все ради денег.

ГОД ЭКОЛОГИИ

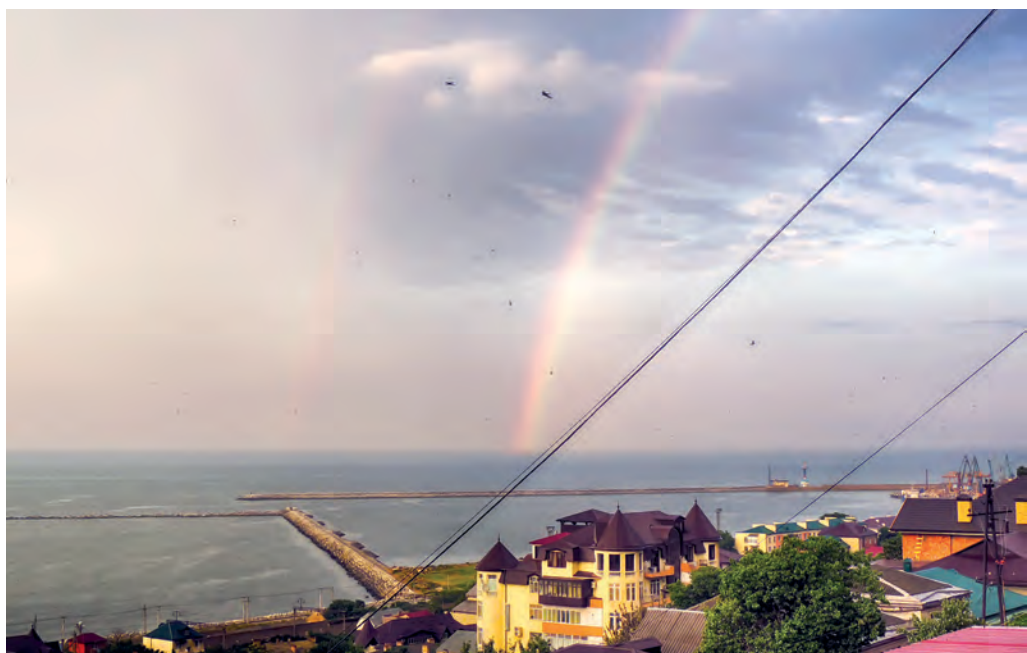
2017 год Указом Президента России объявлен Годом экологии. Указом Главы Республики Дагестан 2017-й объявлен еще и Годом Каспия и всех водных объектов Дагестана. В нашей республике 560 км побережья Каспийского моря, более 600 озер, более 4 тысяч рек, поэтому дополнительный указ имеет очень важное значение. 2 февраля 2017 в Театре поэзии Рамазан Абдулатипов даст старт Году экологии и Году Каспия и водных объектов.

У нас очень много планов в наступившем году. 2 февраля собираемся открыть завод по утилизации автошин. Он практически уже работает, 2 линии установлены. Кроме того, в этом году собираемся запустить мусоросортировочный завод в Каспийске, современный кирпичный завод в Новом Хушете. В 2017 году будем объявлять аукционы на месторождения кирпичных глин, чтобы предприниматели могли построить там современные заводы.

Мы планируем также восстановить Южный и Северный Аграхан и Нижнетерские озера. Решив эту задачу, будем естественным путем развивать рыбную отрасль; если мы эти озера и реки не восстановим, если здесь, на дагестанском берегу Каспия, не будет «родильных домов» для рыбы, она полностью уйдет от нашего побережья.

У нас 20 тысяч га прудов. Когда меня назначили министром природных ресурсов и экологии (2014 г.), действовало всего 3 тысячи га, еще мы запустили 5 тысяч га. Главная проблема – отсутствие воды, хотя Дагестан является самой водной республикой на Северном Кавказе, просто надо грамотно распределить воду. Мы объединили усилия с министерством мелиорации, и в 2017-м планируем очистить основные каналы, чтобы восстановить пруды и запустить туда рыбу. Дагестан обеспечивает себя рыбой всего на 10 процентов, остальная рыба завозная. Чтобы дагестанцы могли купить свежую живую рыбу по доступным ценам, мы проводим ярмарки.

Мы сейчас изучаем природные объекты республики, определяем, какие из них объявить особо охраняемыми природными территориями. Этот статус уже присвоен Верхнему Гунибу, местности Джалган за Нарын-Калой, озерам Аджи и Муравейник. Статус особо охраняемого объекта необходим, чтобы чиновник не мог своей подписью распорядиться землей на этой территории, выделив ее под строительство дома. У нас сегодня 27 памятников природы, 12 заказников и 2 парка, это очень мало – 4 процента от всей территории; должно быть минимум 10 процентов, и мы движемся в этом направлении, чтобы сохранить наши уникальные места и чтобы уникальная территория Дагестана продолжала занимать первое место по биологическому разнообразию.

Влада Бесараб

ДЕЛО ПАТРИОТИЧЕСКОЙ СОВЕСТИ

Министерство по национальной политике Республики Дагестан не отвечает за темпы экономического роста или качество дорожного строительства, не контролирует то, как нас учат или лечат, не распределяет по городам и селам оборудование и не налаживает современную связь. Оно отвечает за другие связи. Те, которые, нельзя измерить километрами кабелей и кубометрами асфальтобетона, но без которых невозможны ни культурное развитие, ни пресловутый экономический рост.

Миннац ведет свою историю с 1990 года, когда был создан Государственный Комитет по делам национальностей РД. Его создание было вызвано вспыхивающими в тот период острыми и сложными конфликтами, в основе которых лежали и проблемы реабилитации репрессированных народов, и земельные отношения, и многие другие проблемы, которые накапливались десятилетиями. В процессе разрешения межнациональных противоречий формировалась правовая основа решения национальных проблем. С учетом ситуации межнациональных отношений в республике были приняты Конституция, комплексная программа решения проблем национальных отношений, законы о выборах в парламент и представительные органы местного самоуправления, глав муниципальных образований и другие правовые акты, ставшие основой современной законодательной системы республики. «Лихие 90-е» кончились, но именно в «стабильные нулевые» сотрудники министерства в буквальном смысле оказались «на передовой»: два министра – Магомедсалих Гусаев и Загир Арухов – погибли в результате террористических актов в 2003 и 2005 гг. А Гарун Курбанов, хотя и не являлся главой ведомства на момент своей гибели, но, по сути, и на новом посту продолжал вести информационную войну с террористами и разжигателями конфликтов всех мастей, за что и был убит в 2011 г. И сегодня сотрудники Миннаца являются без преувеличения «борцами невидимого фронта». Потому что война – за умы и сердца дагестанцев, в первую очередь – молодежи, продолжается.

Но вместе с тем продолжается и мирная, обыденная, жизнь, которая в своей основе сильно изменилась за эти годы, и требует принципиально новых подходов ко всему, начиная от организации культурно-массовых мероприятий и заканчивая изданием учебников и СМИ. И пусть формально эти вопросы не являются сферой ответственности Миннаца, но на деле ими так или иначе приходится заниматься, для чего налажено тесное сотрудничество с профильными ведомствами.

О том, насколько важна деятельность Министерства по национальной политике, и как изменились приоритеты за 26 лет его существования, мы поговорили с министром Татьяной Гамалей.

– В разные периоды ваше ведомство называлось по-разному, в частности, «Министерство по делам национальностей и внешним связям», «Министерство по национальной политике, делам религий и внешним связям». С 2013 г. «внешние связи» в названии не фигурируют, а на деле?

– А на деле международные и межрегиональные связи по-прежнему являются одним из направлений нашей деятельности. Точнее, это два самостоятельных направления. Республика имеет 42 своих представителей в российских регионах, и мы являемся органом власти, координирующим их работу.

– В 2010 г. в журнале «Дагестан» вышла серия материалов о жизни дагестанских диаспор в разных уголках страны. Я тогда объездила пять регионов, и представители всех постпредств – от Астрахани до Костромы – жаловались на невнимание к их проблемам со стороны дагестанских властей. При этом все отмечали, что с местной властью на уровне губернаторов, не говоря уже о главах муниципалитетов, царит полное взаимопонимание. Это было очень обидно слышать. Теперь, видимо, работе постпредств уделяется должное внимание. Как строится работа с ними, какие проблемы существуют?

– Два раза в год в Махачкале проводится семинар-совещание с постоянными представителями республики. На совещании в августе прошлого года Глава Дагестана Рамазан Абдулатипов отметил, что, в целом, руководители постпредств прилагают большие усилия для создания и укрепления позитивного имиджа республики за ее пределами, и напомнил, что, наряду с сотрудничеством в области культуры, приоритетными остаются задачи налаживания взаимовыгодных торгово-экономических отношений с другими субъектами России. Самые разные дагестанские товары – от сувениров и изделий народных художественных промыслов до сельскохозяйственной продукции – должны быть представлены в других регионах. Эта задача была поставлена перед руководством Минпромторга республики, которые также участвовали в работе семинара. То есть, не

20-летие Дагестанского Донского землячества

только Миннац вовлечен в эту деятельность. В то же время, всего три постпредства (в Санкт-Петербурге, Ставропольском и Краснодарском краях) работают на постоянной основе, остальные – на общественных началах. Конечно, такое отсутствие официального статуса многих не устраивает, и мы сейчас активно работаем в этом направлении, предлагаем разные варианты. Например, открыть постпредства в федеральных округах и финансировать только их работу. Такой формат потребует бюджетных средств, конечно, и при этом не решит всех поставленных задач, к сожалению. Одним словом, решение пока не принято. Для укрепления связей мы ввели в практику проведение он-лайн конференций, это просто находка, позволяющая оперативно решать любые вопросы. Хотелось бы отметить тот факт, что, помимо сотрудничества в области культуры и экономики, постпредства, актив дагестанских диаспор выполняют очень важную роль по социальной адаптации дагестанцев, покинувших республику. Известны, например, случаи вербовки международными террористическими организациями молодых людей, которые уехали из Дагестана. Когда человек вдали от дома, в непривычной обстановке, он чувствует себя одиноким, растерян, испытывает финансовые трудности – этим и пользовались вербовщики. Поэтому лидерам наших диаспор очень важно поддерживать связь со всеми прибывающими в регион, чтобы они чувствовали поддержку

земляков, с одной стороны, а с другой – знали, что в случае их неподобающего поведения об этом станет известно в Дагестане. В 2016 г. я сама побывала в некоторых регионах, где наши постпредства работают давно и хорошо себя зарекомендовали. Так, очень приятно было слышать от вице-губернатора Ярославской области, что дагестанцы – самые надежные партнеры, ответственные хозяйственники, патриоты. В Ростове-на-Дону состоялись торжества по случаю 20-летия Дагестанского Донского землячества, где также много говорилось о том, насколько большую и важную работу оно проводит.

– Вы упомянули Донское землячество, и я не могу не отметить того, что в самом Дагестане в последние годы активизировалась работа с казачеством. Расскажите об этом подробнее.

– Работа по вопросам казачества в Дагестане ведется в соответствии с нормативно-правовыми актами органов госвласти Российской Федерации, регулирующими эти вопросы. Еще в 2012 г. Владимир Путин утвердил «Стратегию развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 года»; есть Федеральный закон «О государственной службе российского казачества» (2005 г.) и Концепция государственной политики РФ в отношении казачества, утвержденная в 2008 г. Поэтому наша задача, с одной стороны, обеспечивать их реализацию

в Дагестане, оперативно решая возникающие проблемы, а с другой – продвигать собственные проекты в этой области. Для улучшения взаимодействия казачества с органами власти в 2009 г. была введена должность советника председателя правительства РД по вопросам казачества. В 2014 г. Указом Главы Республики Дагестан утвержден Устав Кизлярского особого приграничного окружного казачьего общества. Мы учитываем влияние дагестанских казаков на общественно-политическую ситуацию на Севере Дагестана, особенно на процесс отъезда оттуда русского населения. Поэтому в декабре 2013 г. была принята государственная программа Республики Дагестан «Поддержка проживающего и возвращающегося в Республику Дагестан русского населения на 2014–2017 гг.» и подпрограмма «Государственная поддержка казачьих обществ в Республике Дагестан на 2014–2016 гг.». Подпрограммой, в частности, предусмотрено создание условий для привлечения казаков Кизлярского особого приграничного округа Терского казачьего войска к несению государственной и иной службы в республике; оказание методической и организационно-технической помощи казачьим воскресным школам; проведение ежегодного фестиваля казачьей культуры, а также конкурсов по традиционным видам искусства и спортивных соревнований среди казаков. Еще несколько лет назад дагестанское казачество было разрозненным, между атаманами существовало недопонимание.

Нам удалось переломить эту ситуацию, и сегодня можно говорить о начале консолидации казаков, о понимании ими своей ответственности за мир и согласие в регионе. Немаловажное значение имеет и работа по информированию широкой общественности о деятельности казачества, о его позитивной роли в деле стабилизации общественно-политической ситуации в республике.

– Я бы сказала – о его исторической роли в этом деле.

– Вот именно, и об этом нужно как можно больше говорить и писать! В Кизляре открылся Республиканский казачий центр, причем разместился он в здании бывшей казачьей управы, –

Открытие казачьего центра

мне кажется, что это очень символично. Сегодня он полностью оборудован, как и казачий класс – это часть системы казачьего образования, она существует по всей стране на разных уровнях – от казачьих классов и школ в отдельных муниципалитетах до казачьего университета, который находится в Москве. Хочу отметить, что, несмотря на особый статус казачества в нашей стране, в Дагестане казаки при всей своей самобытности в первую очередь являются представителями русской культуры, носителями русского языка как родного. А роль русского языка как средства межнационального общения, думаю, всем очевидна. Он не просто является

универсальным средством общения для представителей разных национальностей нашей республики, но обеспечивает само единство и культурное развитие народов Дагестана. В 2014 г. вышел Указ Главы Республики Дагестан «О мерах по обеспечению развития, защиты и поддержки русского языка в Республике Дагестан». Да, к сожалению, сегодня русский язык находится в таком состоянии, что нуждается в нашей защите.

– Это проблема не только нашей республики, но всей страны. Низкие результаты ЕГЭ по русскому языку демонстрируют выпускники многих регионов.

– Но для нас это не повод бездействовать. Помимо общих для всей страны проблем в этой области, мы имеем и ряд тех, что обусловлены спецификой нашего региона. Указом, в частности, предусмотрено повышение квалификации дагестанских учителей русского языка и литературы с учетом современных требований, предъявляемых к образовательному процессу, а также популяризация знаний не только о русском языке и литературе, но и русской культуре в целом. С этой целью в 2015 г. в Махачкале и был создан единственный на Северном Кавказе Республиканский центр русского языка и культуры. То есть, он работает с русским населением республики: помогает им поддерживать комфортную психологическую среду, удовлетворяет их этнокультурные потребности.

На открытии духовно-просветительского центра при Махачкалинской епархии

– Проще говоря, является местом, где можно собраться, чтобы отметить русские народные праздники, услышать народные песни?

– Ну, если совсем упростить, то да, Центр занимается улучшением социального самочувствия русских в республике. Но он открыт для всех тех дагестанцев, которые интересуются проблемами русского языка, любят его и хотят улучшать свои знания. Важная сторона деятельности Центра: создание условий для полноценной реализации функций русского языка как государственного языка Российской Федерации, а также для гармоничного развития русско-дагестанского двуязычия. Формирование принципов межнациональной и межконфессиональной толерантности, развитие социокультурных связей с народами других регионов России и стран мира. Ну, например, на каком языке мы можем рассказать жителям, скажем, Сибири о кубачинском искусстве или о табасаранских коврах? Конечно же, на русском! А с какого языка рассказ об этом переведут европейские издания? С русского! Нет, были и есть иностранные специалисты, лично приезжающие к нам в горы с целью научных исследований, и публикующие свои работы на европейских языках, но большинство литературы все же переводится непосредственно с русского. Кстати, чтобы работы дагестанских ученых были достойно представлены на все-российском и международном уровне, они

также должны быть написаны на хорошем русском языке. При Центре работает бесплатная горячая линия «Грамотей». Обратившись на нее, можно получить разъяснение специалиста по любому вопросу, связанному с языком.

– **Здорово! И что – звонят?**

– Звонят, и «тотальный диктант» писать приходят! В планах Центра также методическая работа и социологические исследования. Но, наверное, самый любимый проект сотрудников Центра сегодня – выступления в детских садах и школах республики с рассказами о корнях русско-дагестанской дружбы. Это даже не рассказы, а целые красочные костюмированные представления, с показом подлинных предметов быта, произведений народного искусства.

– **Неудивительно, что этот проект любимый, ведь дети – самые благодарные зрители и слушатели. Давайте поговорим о большом проекте Миннаца, который также был связан с детьми, – «Куначество». Как он появился, и удалось ли вам за время его реализации достичь всех целей, которые ставились? И чем новый проект «Как живешь, сосед?» отличается от «Куначества»?**

– Идея «Куначества» пришла спонтанно. На всех совещаниях, конференциях выступающими много говорится о дружбе между народами, о дагестанских традициях гостеприимства и взаимовыручки, которые, как с сожалением констатирует очередной выступающий, уходят

в прошлое. Действительно, сегодня в республике хорошо развита сеть автомобильных дорог и добраться из пункта А в пункт Б можно быстро и без особых усилий. А раньше, в отсутствие дорог и транспорта, путнику трудно было обойтись в горах без кунаков. Они были вроде как «опорные пункты», где можно было отдохнуть, обогреться, переждать непогоду. Это с одной стороны, а с другой – разве не ездили в гости к кунакам просто так, без причины? Разве дети и внуки тех, кто когда-то встретился в пути, не продолжали поддерживать эти дружеские связи на протяжении многих лет? А что мешает нам сейчас поехать в гости – да ничего не мешает, решили мы, и придумали для начала «заслать» в качестве кунаков детей. Ведь чадолюбие тоже исстари присуще всем дагестанским народам. За два года в проекте приняли участие более ста детей: в 2015 г. обмен был между детьми из разных районов республики, в 2016 в него включились ребята из других субъектов СКФО. Проект строился на индивидуальном подходе. Важно понимать, что двухнедельному пребыванию каждого ребенка в семье кунаков предшествовало несколько месяцев работы, в которую было вовлечено большое число людей, включая представителей Минобразования и глав муниципалитетов, – именно они контролировали весь процесс на местах, и я очень благодарна им за столь высокую ответственность, которую они проявили

в этом вопросе. К семьям предъявлялись большие требования, но, что приятно, это никого не остановило. Желающих участвовать в проекте почти сразу оказалось более чем достаточно! Дети жили в семьях, слушали другой язык, знакомились с обычаями, кухней, особенностями быта другого народа не по книгам, а «вживую». Они ходили там в школу, участвовали в общих мероприятиях, знакомились с достопримечательностями. Проект получился очень теплым. Официально он закончился, но муниципалитеты продолжают общаться, семьи сдружились и регулярно встречаются. На торжественном

День кунака. Дербент

собрании по окончании проекта, когда встретились все участники, они с удивлением говорили о том, что забыли об этой прекрасной традиции, и как здорово, что она возродилась. Время показало, что, хотя достижения цивилизации и избавили людей от необходимости совершать многодневные переходы в горах или заниматься меновой торговлей, но потребность в человеческом общении осталась. Поэтому иметь кунаков в отдаленных районах естественно и сегодня, это по-прежнему основа бытия горцев. Что касается проекта «Как живешь, сосед?», то при всей схожести, он построен иначе. В его

основе лежит идея добрососедства. Просто межрайонные мероприятия отчасти повторяли бы «Куначество», поэтому мы искали особый подход. Он нашелся неожиданно: в ходе проведения совсем другого исследования обнаружилось, что есть мононациональные районы, в которых на территории отдельных сел компактно проживают представители другой национальности. Например, с. Мегеб Гунибского района – даргинское, в преимущественно даргинском Левашинском районе девять аварских сел. И нам показалось, что будет интересно узнать, как складывались их взаимоотношения в разное время, и каковы они сегодня, как они друг друга воспринимают. Проект начался в ноябре 2016 г. и сразу стал очень активно развиваться. Причем мы не всегда могли предугадать, в каком направлении пойдет это развитие. В том же Мегебе, который находится недалеко от Согратля, в рамках традиционного концерта нам показали инсценировку местной анекдотической истории о женщине, которая так любила пить чай, что обменяла у согратлинцев свою единственную корову на мешок чая. А в конце вечера всем собравшимся подарили на память мешочки традиционного согратлинского чая из высокогорных трав. Ну, в каком сценарии можно запланировать такой искренний душевный порыв, такую замечательную инициативу!

– Действительно, ни в каком. И это доказывает, что проект получился не для галочки,

День кунака. Ботлихский район

а для людей. Но я так понимаю, что одними концертами он не исчерпывается?

– Конечно, проводится ряд серьезных мероприятий. Содержание варьируется, но всегда есть экологическая акция – мы сажаем деревья, чтобы была живая память о встрече. В Левашинском районе, например, посадили ели возле монумента славы. И они так органично туда вписались, что сами жители стали говорить: и почему мы раньше их тут не посадили!? Также всегда проводится круглый стол с участием общестественности: приходят учителя, врачи, садоводы, чабаны – все. В процессе общения люди делятся хозяйственными навыками, практическим опытом. Иногда оказывается, что во всем районе проблема с вывозом мусора, а именно в этом селе ее нет, потому что они решили на сходке действовать так-то и так-то. Или одним удается стабильно добиваться высоких результатов ЕГЭ, и большой процент учащихся поступает в российские вузы, в то время как у соседей молодежь успешно трудится в сельском хозяйстве и никуда не планирует уезжать.

– И должны были приехать представители Миннаца со своим проектом, чтобы жители одного района встретились и поговорили об этом?!

– Получается, что так. Их нужно было просто свести друг с другом, а дальше все пошло само. Хотя тут много тонкостей, конечно. Например, проводя спортивные турниры, мы никогда не выставляем соседей друг против

друга. Все команды смешанные – это сплавливает лучше любых призывов!

– Все главы муниципалитетов активно включаются в эту работу?

– К сожалению, нет, хотя большинство понимает важность и нужность таких мероприятий. Это ведь не просто наши креативные идеи. Все делается в рамках реализации «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года» и соответствующих республиканских программ.

– Среди направлений деятельности министерства значится и взаимодействие с институтами гражданского общества. Как здесь обстоят дела?

– Гражданское общество – это формы самоорганизации общества путем создания различных объединений: от ветеранских и благотворительных организаций до творческих союзов, так называемых НКО – некоммерческих организаций. И со всеми мы работаем. Порой случается недопонимание, когда от нас ждут только финансовой помощи, а она не всегда подразумевается. Нужно учиться привлекать в свои ряды волонтеров и обучать их, правильно подавать заявки на гранты, размещать информацию о себе в СМИ, включая электронные, и т.д. Мы оказываем консультативную, методическую, информационную помощь в подобных вопросах. Важно, чтобы НКО не были сосредоточены только в столице. Буквально на днях заработал «Единый информационный портал некоммер-

ческих организаций Республики Дагестан», разработанный специалистами нашего министерства в целях развития институтов гражданского общества и укрепления информационно-го взаимодействия власти и общества. Активная ссылка доступна на нашем сайте.

– До того, как уйти во власть, вы много лет работали в Даггосуниверситете. Будучи профессиональным лингвистом, имеющим ученую степень, являлись одним из ведущих специалистов республики в области русского языка и культуры речи, заведовали кафедрой редакционно-издательского дела, отделением журналистики филологического факультета. А сейчас вы занимаетесь наукой?

– Я с удовольствием занимаюсь вопросами, связанными с сохранением языкового многообразия нашей республики, в частности, подготовкой проекта «Концепция языковой политики Республики Дагестан» – он находится на стадии экспертного обсуждения. Некоторые его положения реализуются. Так, при ДГУ создан Центр родных языков, которому предстоит заниматься документацией редких идиомов – языков, диалектов, говоров, наречий. В силу мощных миграционных процессов многим из них грозит исчезновение. Языковое разнообразие сокращается во всех странах, это результат естественного процесса глобализации, остановить который мы не можем. Но мы просто обязаны зафиксировать эти идиомы, записать образцы устной речи, сделать аудио-записи, чтобы задокументировать ударение, интонационные особенности. Такой фонотеки в Дагестане нет. Важно, что Центр открыт на базе вуза, потому что профессиональные ученые из Института языка, литературы и искусства ДНЦ РАН, конечно, составляют словари и грамматики дагестанских языков, но они не фиксируют частности и не занимаются популяризацией родных языков, у них принципиально иные задачи. А в Центре при ДГУ с материалами на языках народов Дагестана работают студенты и аспиранты, то есть та самая молодежь, которую сегодня чуть ли не силком пытаются заставить учить

День кунака. Акушинский район

родные языки. Заставить выучить язык невозможно, но его можно полюбить, им можно увлечься самому и увлечь других. Не могу сказать, что дело продвигается быстро. Так, мы с трудом собрали материал для проекта «Колыбельные народов Дагестана». Из колыбельных на бесписьменных языках у нас пока только каратинская и кубачинская. Хочу призвать всех, кто может, участвовать в этом проекте. Его итогом должен стать диск с записями лучших колыбельных: все присланные записи выкладываются на YOUTUBE, идет открытое голосование.

– **Студия Александра Татарского, помнит-ся, запускала аналогичный мультипликационный проект.**

– Да, это отличная идея была, но финансово мультипликационный проект мы пока не потянем, а вот диск – вполне.

– **Если вы занимаетесь вопросами родных языков, то знакомы и с проблемой учебников по ним, точнее, их отсутствия.**

– Действительно, в республике существует проблема с учебниками по родным языкам – их мало, они устарели, не соответствуют современным образовательным стандартам. В первую очередь этим занимается Минобразования и НИИ педагогики им. Тахо-Годи. Наша работа – чисто аналитическая, мы провели ряд исследований, чтобы составить объективную картину нехватки даже не учебников, а самих материалов для их создания. Так, по младописьменным языкам (агульский, рутульский и др.), например, нет или очень мало качественной оригинальной художественной литературы. Ну, нет сейчас у нас молодых авторов определенных национальностей, не пишут они на родных языках! А если пишут, то мало и не всегда так хорошо, как хотелось бы. А учебники составлять из чего-то надо уже сейчас. Мы встречались с членами Союза писателей и пришли к соглашению, что единственный выход пока не сформируются национальные литературы – переводы рус-

Республиканский центр русского языка и культуры

ской и зарубежной классики. Это нужно делать как можно быстрее. Разработать, составить и издать полную линейку учебников по каждому языку – от начальной школы до старшей, плюс пособия для педагогов – тоже дело не одного года. Поэтому мы предлагаем свою помощь: издать антологию на русском и дагестанских языках, чтобы у учителей были качественные тексты разного образца.

– **Это сколько же томов должно в ней быть? Антология ингушского фольклора, например, состоит из десяти!**

– Концепция издания еще не сложилась, многое неясно. Понятно, что это большой затратный во всех смыслах проект, но реализовывать его надо начинать уже сейчас. Во всем мире это делается за счет спонсоров. Это должно стать делом патриотической совести представителей всех народов! То, что нет республиканского закона о языках, – отговорка! Потому что закон в любом случае не обеспечит мгновенное решение всех накопившихся проблем. А документ, определяющий основные направления по сохранению и популяризации языков, есть – Закон РФ «О языках народов Российской Федерации». Так что, надо работать.

**Автор благодарит
руководителя пресс-службы
Министерства по национальной
политике РД Лейлу Гаджимусилову
за предоставленные фото
и помощь в создании материала**

Эдуард Эмиров

ВОДА НУЖНА ВСЕМ!

Не секрет, что, мы журналисты, ищем информационные поводы для своих публикаций. А когда их находим, то бываем безмерно рады тому обстоятельству, что можем одними из первых рассказать об отличившемся человеке, каком-либо предприятии или ведомстве. Вот и на этот раз повезло. На состоявшемся в Москве годовом совещании мелиораторов России Диплом победителя рейтинга информационной активности вручили директору ФГБУ «Минмелиоводхоз Республики Дагестан» Залкипу Курбанову. Встреча с этим неординарным человеком, руководителем нового времени, менеджером в самом лучшем смысле слова стала просто журналистской удачей. Вы это поймете из интервью, которое он дал журналу «Дагестан».

– Залкип Магомедович, чем был вызван Ваш выбор – посвятить свою жизнь работе именно в этой отрасли?

– Я сельский житель, выходец из Акушинского района, из сел. Муги. К тому времени, когда я оканчивал школу, на зоотехника в вузе учились около 20 моих земляков – мугинцев. И вообще, я был настроен на сельское хозяйство. К тому же пример моего дяди – выпускника знаменитой Тимирязевки, был сильным стимулирующим фактором. И после того как я с отличием окончил школу, казалось, что ничто не мешает мне пойти по стопам дяди. И вот в 1984 году я отправился за своей мечтой. Но уже в поезде узнал о том, что в Брянске открылся вуз с зоотехническим уклоном, – решил отправиться именно туда. Таковы, как говорится, превратности судьбы. Как положено, отслужил в армии, в городе Пермь. В начале 2000 года работал один год главным зоотехником в одном из крупных хозяйств в Ростовской области. После возвращения в Дагестан, точнее, в свой родной Акушинский район, работал на предприятии знаменитого реформатора сельскохозяйственного производства Магомеда Чартаева; получил ко-

лоссальный опыт работы в новых экономических условиях.

Затем мне выпала честь быть представителем сначала Министерства сельского хозяйства республики, а затем и Министерства мелиорации и сельскохозяйственного водоснабжения в Министерстве сельского хозяйства Российской Федерации.

Это был сложный период: сельскохозяйственная отрасль, в особенности мелиорация, были в упадке, чувствовалась острая нехватка финансовых средств, техническое состояние мелиоративных объектов требовало к себе особого внимания.

Изменения, произошедшие в стране, повлияли на схему и объемы финансирования мелиоративной отрасли, – к сожалению, в худшую сторону.

К тому времени я окончил Дагестанский государственный технический университет, по специальности «мелиорация», защитил кандидатскую диссертацию по экономике. Одним словом, все шло к тому, чтобы посвятить свою дальнейшую деятельность такой важной составляющей сельскохозяйственного производства,

особенно в нашей республике, как мелиорация.

– Начну с необычного поздравления, которое мне, журналисту, особенно приятно высказать. Год назад ФГБУ «Минмелиоводхоз Республики Дагестан» стало лучшим в рейтинге информационной активности среди учреждений по мелиорации России. Как Вы этого добились?

– Площадь орошаемых земель в Республике Дагестан составляет 396,3 тыс. га. Занимая около 10% всех сельскохозяйственных угодий, они дают 70% всей продукции растениеводства, производимой в республике.

Эффективное и надежное функционирование мелиоративных систем является важной составляющей развития агропромышленного комплекса республики.

Все мелиоративные системы и гидротехнические сооружения федеральной собственности, расположенные в республике, находятся в оперативном управлении ФГБУ «Минмелиоводхоз РД», их балансовая стоимость по состоянию на 01.01.2016 г. составляет более 20 млрд руб.

ФГБУ «Минмелиоводхоз РД» является одним из крупных и капиталоемких учреждений в системе Минсельхоза России, обеспечивающим функционирование мелиоративной отрасли в Республике Дагестан. Учреждение накопило определенный опыт эксплуатации мелиоративных систем в новых условиях, в том числе сопровождающиеся недостаточным финансированием на ее ремонт и содержание.

Для сравнения: в конце восьмидесятых годов прошлого века только по очистке межхозяйственной и внутрихозяйственной сетей ежегодно выполнялись земляные работы в объеме около 30 млн м³, в том числе собственными силами эксплуатационных служб – 7,4 млн м³. Стоимость этих работ в нынешних ценах составляет более 1,5 млрд рублей.

Однако такие объемы финансирования в условиях оптимизации федерального бюджета не ожидалось. И проблема дефицита финансовых средств на подачу воды для орошения с использованием государственных мелиоративных

систем, при отсутствии инвестиций, альтернативных госбюджету, стала очевидной.

В этих условиях мы не ставили своей задачей занять какое-то место в конкурсе. Нашей целью было довести до всех заинтересованных сторон, в том числе до сельскохозяйственных товаропроизводителей то, чем мы занимаемся, рассказать о предстоящих задачах; предполагали и обмен опытом с коллегами из других регионов России. В данном случае наша информационная открытость сыграла большую роль и была оценена соответствующим образом Министерством сельского хозяйства России.

– **Залкип Магомедович, как в целом выполнено государственное задание на 2016 год?**

– Итоги 2016 года мы подвели в начале декабря. В целом государственное задание на 2016 год выполнено по всем видам и показателям государственных работ, установленным Минсельхозом России.

По состоянию на 01.12.2016 осуществлен вегетационный полив сельскохозяйственных культур на площади 269,3 тыс. га, в том числе риса – 11,8 тыс. га, виноградников – 12,9 тыс. га, садов – 14,9 тыс. га, овощных и бахчевых культур – 11,6 тыс. га и приусадебных участков – 28,0 тыс. га.

Общий объем водозабора составляет 3363,97 млн м³, подано потребителям – 2454,68 млн м³, в том числе для нужд орошения – 2203,0 млн м³, на хозяйственные и промышленные нужды – 77,21 млн м³, на рыбохозяйственные нужды – 174,47 млн м³, другим регионам – 87,7 млн м³.

В рамках выполнения государственного задания по технической эксплуатации и обеспечению безопасности гидротехнических сооружений выполнены работы по текущему ремонту и противопаводковые мероприятия на более чем 110 объектах, а работы по уходу за мелиоративными системами и отдельно расположенными гидротехническими сооружениями велись постоянно.

К примеру, на проведение этих работ в Кизлярском и Тарумовском районах в 2016 году израсходовано более 50 млн рублей.

В целом поливной сезон проходил на достаточно высоком организационном уровне, хотя мы столкнулись с серьезными трудностями, связанными с нехваткой финансирования, в том числе на оплату электроэнергии, потребляемой насосными станциями, при механической подаче поливной воды, и со сложными климатическими условиями.

На итоговом совещании коллектива мелиораторов было отмечено, что результатом нашей плодотворной работы стало отсутствие серьезных нареканий в наш адрес, более того – в адрес учреждения за проделанную работу стали поступать благодарственные письма от муниципальных районов и от сельхозтоваропроизводителей. Это тоже достижение.

С другой стороны, в нашей отрасли, как и в любой другой сфере сельхозпроизводства, нельзя добиться мгновенного результата. Проблемы еще остаются. Например, потери оросительной воды в магистральных и межхозяйственных каналах находятся на довольно высоком уровне – около 30%, недостаточное оснащение ГТС водомерными узлами.

Тем не менее, объемы наших работ растут из года в год. Конечно, на все это требуются большие денежные средства.

Руководство Минсельхоза России и республики и лично Глава Республики Дагестан Рамазан Гаджимурадович Абдулатипов понимают значимость этой проблемы, оказывают всяческую поддержку отрасли в ее решении. Благодаря такому вниманию, за последние два года учреждение получило более 40 единиц техники стоимостью около 54 млн руб., значительно возросли объемы финансирования противопаводковых мероприятий.

Думаю, что такая поддержка будет оказана и в 2017 году, – показатели нашей работы дают такую

возможность; также надеемся, что будет продолжено обновление парка мелиоративной техники, а финансирование отрасли в целом будет расти.

– Кстати говоря, по Уставу учреждения услуги по подаче поливной воды потребителям отнесены к иной, приносящей доход, деятельности, и оказываются они на платной основе. Я правильно понимаю, эти расходы должны взять на себя потребители воды?

– Правильно, эти услуги по Уставу учреждения мы должны оказывать на платной основе. В других регионах России на возмездное оказание услуг по подаче оросительной воды перешли еще в начале нулевых годов и достигли определенных успехов в части привлечения внебюджетных средств и направления их на дополнительное финансирование отрасли.

В нашей республике на платное оказание услуг по подаче воды перешли только два года назад. Несмотря на дефицит финансовых средств, наше учреждение безвозмездно оказывало услуги по подаче воды для нужд орошения. Это было связано с тяжелым экономическим состоянием наших аграриев, и руководство республики оказывало поддержку по очистке межхозяйственных каналов. В связи с изменением бюджетного законодательства, финансирование содержания объектов федеральной собственности из бюджета республики было прекращено. Переход на возмездное оказание этих услуг стало объективной реальностью.

Порядок определения платы за оказание услуги по подаче воды потребителям установлен приказом Минсельхоза России от 18.02.2013 №79 (зарегистрирован в Минюсте России 19.04.2013 №28220). Размер тарифа, определенный исходя из условий первоочередной компенсации наиболее весомых издержек в составе себестоимости услуги по подаче воды, составляет 7,4 копеек за 1 м³ воды – без учета стоимости электроэнергии, потребляемой насосными агрегатами. Он является чисто символическим, не решает проблемы финансирования по ремонту и содержанию мелиоративного комплекса (реальные расходы значительно выше), а носит, прежде всего, воспитательный характер. К примеру, в соседнем Ставропольском крае размер тарифа колеблется от 24 до 29 копеек.

Потребители должны понимать, что подача поливной воды несет за собой определенные

расходы; даже самотечная вода сама до потребителей не доходит, ее надо сопровождать, надо ежегодно готовить сети и сооружения к приему воды. Но не у всех мы находим понимание; отдельные потребители не хотят нести даже эти мизерные расходы, им, привыкшим получать воду бесплатно, видимо, сложно адаптироваться к нововведениям. Это, естественно, влияет на качество оказываемых услуг, в результате страдают все: и эксплуатационники, и сами потребители воды.

В то же время коллектив учреждения понимает, что введение платы за оказание услуг по подаче воды накладывает больше ответственности в части исполнения ими договорных обязательств перед потребителями, поэтому от руководителей филиалов требую отнестись с пониманием к нуждам сельскохозяйственных товаропроизводителей в оросительной воде.

– Как вы взаимодействуете с региональными и муниципальными органами АПК?

– Для достижения конечных результатов, а это удовлетворение нужд потребителей поливной водой, требуется тесное сотрудничество ФГБУ «Минмелиоводхоз РД» с Министерством сельского хозяйства и продовольствия РД, другими ведомствами, муниципальными районами и сельскохозяйственными товаропроизводителями по вопросам использования орошаемых площадей, по вопросам реализации федеральных и республиканских целевых программ, а также приоритетного проекта Республики Дагестан «Эффективный агропромышленный комплекс».

Учреждением заключено соглашение о взаимодействии с Министерством сельского хозяйства и продовольствия Республики Дагестан.

За последние два года мы провели большую работу по разъяснению нашей позиции в связи с переходом на возмездное оказание услуг по подаче оросительной воды. Провели десятки встреч с главами муниципальных образований,

руководителями сельскохозяйственных предприятий и другими потребителями наших услуг.

Результатом такого взаимодействия стало повышение ответственности сторон, дисциплина в отношении потребления воды. Уже наблюдается бережное отношение к воде со стороны потребителей, лучше стали готовить внутривозрастную

мелиоративную сеть, сокращается объем потребляемой воды без ущерба урожайности культур. Согласитесь, это немаловажные факторы.

В целях расширения взаимодействия с муниципальными районами, учреждение планирует заключение соглашений по взаимодействию в области мелиорации земель. С таким предложением мы обратились ко всем

главам муниципальных районов.

– Ваше учреждение реализует две федеральные целевые программы – ФЦП «Развитие мелиорации земель сельскохозяйственного назначения России на 2014–2020 годы» и ФЦП «Развитие водохозяйственного комплекса Российской Федерации в 2012–2020 годах». Каковы итоги и темпы работ, есть ли проблемы?

– Большая часть мелиоративных систем и сооружения введены в эксплуатацию в середине прошлого века. Срок службы их истек, техническое состояние требует реконструкцию и соответственно вложение инвестиций.

По предварительным расчетам, на реконструкцию мелиоративных систем, гидротехнических сооружений и коллекторно-дренажной сети, находящихся в оперативном управлении учреждения, требуется около 20 млрд рублей. С принятием названных вами федеральных целевых программ вопросы реконструкции мелиоративных объектов частично решаются.

В перечень реконструируемых по этим программам до 2020 года вошли 16 объектов. В прошлом году по ФЦП «Развитие водохозяйственного комплекса Российской Федерации в

2012–2020 годах» продолжалась реконструкция объектов таких крупных оросительных систем, как каналы им. Октябрьской революции и им. Дзержинского.

Хотя полную реконструкцию указанных объектов планируется завершить в 2020 году, результаты работ дают положительный эффект уже сейчас. Повысилась пропускная способность каналов, решается вопрос обеспечения безопасности гидротехнических сооружений. В результате повышения водообеспеченности предотвращены из выбытия более 30 тыс. га орошаемых земель.

По ФЦП «Развитие мелиорации земель сельскохозяйственного назначения России на 2014–2020 годы» выполнялись проектно-исследовательские работы по шести объектам, а по двум проектам, которые ранее были выполнены, получены положительные заключения государственной экспертизы, что дает возможность в этом году приступить к строительно-монтажным работам по реконструкции.

Как и во всяком большом деле, есть здесь и свои трудности. Это затяжка оформления правоустанавливающих документов на земли, отсутствие проектов планировки территории и проектов межевания линейных объектов, наличие многочисленных накладок в результате самозахвата земельных участков в полосах отвода межхозяйственных каналов.

В этой связи мы обращаемся к представителям муниципальных районов за содействием в решении указанных проблем.

– Обидно, что такую большую и плодотворную работу могут перечеркнуть факты заболевания острой кишечной инфекцией большого количества людей из-за неудовлетворительного санитарного состояния канала им. Октябрьской революции, происшедшие в минувшем году...

– В этой связи хочу особо подчеркнуть, что наше учреждение не подает питьевую воду для населения. Многие в этом вопросе заблуждаются, особенно в городах Махачкала, Каспийск.

К сожалению, в плену этого заблуждения находятся некоторые надзорные органы, которые предъявляют к нам завышенные требования, как к организациям, подающим питьевую воду. Наше учреждение подает техническую воду коммунальным и другим предприятиям городов и поселков. А уже эти предприятия воду очищают, перерабатывают и подают населению как питьевую. Подчеркну еще раз: наше учреждение не имеет обязательств перед населением по подаче питьевой воды.

Главной функцией канала им. Октябрьской революции является обеспечение поливной водой около 60 тыс. га орошаемых земель, попутно подаем техническую воду для коммунальных нужд городов Махачкала и Каспийск. Более 30 км канала проходит по территории города Махачкала и пригородных поселков. И здесь мы встречаемся с большими проблемами – это несанкционированное строительство различных объектов в полосе отвода канала, вследствие чего загрязняется русло канала, и отсутствие инженерных сетей для отвода канализационных и ливневых стоков.

Решение этих вопросов является прерогативой администрации городского округа Махачкала, надзорных и правоохранительных органов. Тот же Роспотребнадзор вправе штрафовать, приостанавливать деятельность предприятий – юридических лиц, которые загрязняют русло канала.

В то же время наше учреждение не снимает с себя ответственности, проводит большую работу

по предотвращению и ликвидации источников загрязнения канала.

Нами направлены многочисленные обращения в правоохранительные и судебные органы с исками о сносе незаконных строений в полосе отвода канала, собственными силами проводятся работы по переустройству сооружений канала в целях предотвращения попадания в его русло различных стоков. Активно взаимодействуем с администрациями города Махачкалы и внутригородских районов. Это надо нам всем!

– Не секрет, что для слаженной и бесперебойной работы очень важна передача навыков от опытных и квалифицированных работников молодым. Есть ли у вас трудовые династии?

– Развитие мелиоративной отрасли немислимо без квалифицированных инженерных кадров и рабочих, в особенности – механизаторов. В советское время их подготовке уделялось большое внимание. К сожалению, в настоящее время в этом направлении имеются серьезные проблемы, можно сказать, находимся в кризисе. Этому способствовали низкая заработная плата и отток профессиональных кадров в другие отрасли. И этим надо серьезно заниматься, так как через пять-шесть лет мы можем остаться без квалифицированных специалистов, которые уйдут на пенсию. Поэтому мы рассчитываем на тесное сотрудничество с вузами республики, в том числе Дагестанским государственным техническим университетом, где я назначен Председателем государственной экзаменационной комиссии по мелиорации. Надеемся на восстановление кафедры мелиорации. Мы намерены проводить работу по подготовке профессиональных кадров, в том числе путем направления на целевое обучение за счет средств наших филиалов.

Что касается династий, то они есть, и будут, на их примере мы и воспитываем молодежь! Династии – это наша гордость, очень дорожим такими работниками, ибо работа нескольких поколений в одной отрасли формирует особую среду любви к своей профессии, организации, республике.

– Ваш послужной список не дает повода для сомнения в вашем профессионализме. И все-таки, с какими трудностями вы столкнулись в первую очередь? Какие проблемы удалось решить в последнее время? Есть ли проблемы, которые решить пока не удалось?

– Большая часть мелиоративных систем и гидротехнических сооружений (ГТС) введена в эксплуатацию в 50-е и 60-е годы прошлого века; около 90% каналов выполнены в земляном русле, они заилены, местами разрушены, в результате чего их пропускная способность составляет 50-60% от проектной; некоторые ГТС находятся в аварийном состоянии и не отвечают требованиям Федерального Закона №117-ФЗ «О безопасности гидротехнических сооружений».

На коллекторно-дренажной сети с 90-х годов прошлого века из-за недостаточности средств не проводились ремонтно-профилактические работы, она находится в запущенном состоянии и практически не функционирует, в результате чего происходит заболачивание и вторичное засоление орошаемых земель.

Многие объекты становятся опасными для дальнейшей эксплуатации, они неспособны отвечать вызовам природы.

Насосные станции работают на предельно изношенном, морально устаревшем энергоёмком оборудовании образца 60-70-х годов прошлого века.

Затраты на ремонт и содержание имущества, закрепленного за учреждением, ежегодно

растут; на сегодняшний день нормативная их потребность составляет около миллиарда рублей в год.

Экономический эффект от полива, особенно там, где было развито горно-долинное орошение, из-за выросших тарифов на электроэнергию малоэффективен и непривлекателен, и орошаемые массивы в основном используются как богары.

Орошаемые земли подверглись засолению, заболачиванию, происходит процесс деградации почвенного плодородия, старение и разрушение основных мелиоративных фондов. В результате доля орошаемых земель с состоянием «неудовлетворительно» возросла до 54% и составляет более 210 тыс. га.

Ежегодно из-за неудовлетворительного состояния внутрихозяйственной оросительной сети не поливается более 50 тыс. га орошаемых земель, не выдерживается кратность поливов.

В то же время отсутствие реальной отчетности по использованию орошаемых земель (урожайность, экономическая эффективность, окупаемость, стабильность, занятость населения) не позволяет объективно показать обществу, государственным органам их важность, эффективность, перспективность, безальтернативность на ближайшую перспективу.

Решением этих проблем я, как руководитель, а также весь коллектив мелиораторов Дагестана заняты в настоящее время. Как они решаются, я частично рассказал выше.

Инициативы Главы Дагестана Рамазана Абдулатипова по возрождению агропромышленного комплекса республики требуют четкой и слаженной работы всех задействованных служб.

За счет эффективного использования орошаемых земель возможно увеличение производства продуктов питания до уровня, обеспечивающего продовольственную безопасность населения Дагестана по овощам и раннему картофелю, плодам и рису, за счет кормопроизводства на орошаемых землях добиться роста производства мяса и молока.

На нас лежит огромная ответственность в реализации этих задач,

что и обуславливает совершенно иной формат организации работы мелиоративной службы, выстраивая работу по приоритетным направлениям.

Проблем, к сожалению, все еще немало. Но радует то, что движение вперед почувствовали непосредственно пользователи водой, вот и наращиваем усилия, чтобы справиться с задачами в максимально возможные сроки.

– Вы знакомы с особенностями республики, знаете и специфику отрасли. Можно ли сказать, что это знание помогает в работе?

– Мне пришлось учиться в Брянске, работать в Ростовской области, Москве. Там своя специфика – во всем. Дагестан по своему менталитету, традициям, географическому положению предрасположен к работе в сельском хозяйстве. Дагестанцы непривычны к условиям быта, в то же время трудолюбивы, и в этом наша особенность. В советский период времена и возможности были другие. Когда я приехал работать зоотехником в Ростовскую область, у председателя колхоза «болела» голова, как обеспечить меня жильем. Времена меняются, меняются люди, меняются подходы к решению проблем. Но любовь к земле, традиции добиться результатов своим трудом сохранились. Взять, к примеру, Акушинский и Левашинский районы, которые обеспечивают до 60 процентов капусты и картофеля, производимых в республике. Там нет постоянных источников воды, но люди ни на

что не жалуются, просто делают свое дело. Вот вам и специфика республики.

– У каждого руководителя есть свои горизонты. И чем больше такой руководитель работает, тем большие горизонты перед ним и возглавляемым им коллективом открываются. Согласны вы с этим?

– Это естественно! Природа наша такова, что настроены всегда двигаться вперед: достигнув одной цели, ставишь перед собой новую, более амбициозную. Иначе нельзя, в противном случае прекращается развитие. На нашей службе этот постулат тем более актуален: только расширяя площади подачи воды, можно наращивать производство сельхозпродукции, чего ждут от республики. Наш аграрный потенциал используется далеко еще не весь – на нас надеются в центре в увеличении поставок продовольствия в рамках общегосударственной программы импортозамещения. Поэтому и настроены мы искать резервы и неиспользуемые ресурсы.

– Как вы относитесь к отраслевым конференциям, форумам. Нужны ли они?

– О значении мелиорации в России начали говорить на высшем уровне руководства страны, принята федеральная целевая программа по развитию мелиорации земель. Меняются отношение и подходы к решению проблем в мелиоративной отрасли.

Реализация программы развития сельского хозяйства и получение в достаточном количестве местного продовольствия немислимы без развития мелиорации, без сохранения действующих гидромелиоративных систем, восстановления их на новой, более современной основе.

В связи с этим считаю целесообразным проведение дискуссий, круглых столов и выступлений в средствах массовой информации с участием ученых, руководителей и специалистов органов управления АПК республики; обмен опытом работы коллег из других регионов.

Такие мероприятия дают возможность сверить свою работу с коллегами, получить новые идеи и подходы к решению отраслевых задач, при этом и нас часто привлекают в целях изучения нашего опыта. К примеру, в 2015 году я ездил в Южную Корею в составе 12 человек российской делегации по ирригации и дренажу. С большим любопытством мы знакомимся с опытом работы местных земледельцев: каждый

клочок земли отвоевывают у океана, осушают и обрабатывают. Затем строят технопарки, один из них мы посетили. То, что мы увидели, поражает. Что касается наших российских конференций и форумов, то мы всегда в них участвуем, а затем используем этот опыт в нашей повседневной работе.

– Были ли в вашей жизни ситуации, когда вы принимали неверное решение? Почему решение было ошибочным? Как бы вы поступили сегодня, с учетом своего опыта?

– Это чисто жизненный вопрос. Всякое, конечно, было. Важно признать свою ошибку и вовремя устранить, пока не приведет к другим последствиям. Считаю, что правильно выбрал профессию, где смог реализовать свои способности на пользу любимому делу. Горжусь своими двумя детьми и тремя внуками. И в принципе не стал бы кардинально что-то менять в своей жизни, ибо большая часть жизни прожита, надеюсь, больше оставил позитивного.

– Что помогает вам успевать везде, руководить лучше, добиваться большего? Какие приемы вы используете?

– Я так воспитан, что стараюсь с людьми разговаривать на равных, если даже они являются твоими подчиненными. Моих друзей и коллег удивляет то обстоятельство, что ко мне на прием можно прийти в любое время, любому человеку с любыми предложениями, жалобами. Вы заметили, что у меня нет охраны, наши двери всегда открыты для дагестанцев. Я отменил даже приемы по «личным вопросам». Все вопросы у нас личные.

При вступлении в должность я побывал во всех 25 филиалах, где работает без малого 1700 человек. Моя позиция такова: надо уметь сочетать методы материального поощрения и моральной мотивации. И очень важна прозрачность системы поощрений. Когда говорят, что сегодня моральная мотивация – благодарность от руководства или просто словесная похвала, – является пережитком прошлого, я с этим категорично не согласен. Мы учредили ведомственные медали, грамоты. Все это, помимо денежных премий, очень важный фактор заинтересованности людей в улучшении дела. Люди чувствуют твоё к ним отношение и отвечают взаимностью, доверием. Вот тогда можно успешно заниматься решением самых сложных задач.

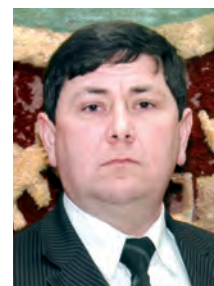

Андрей Меламедов

«ДАЙТЕ ЗЕМЛЮ, И МЫ ВСЕХ НАКОРМИМ»

О фермерах, не имеющих земли, «коммунизме», давно уже наступившем в бывших колхозах и совхозах республики, необходимости проведения земельной амнистии и многом другом корреспондент журнала «Дагестан» поговорил с президентом Ассоциации фермерских хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов Дагестана (АФКОД) Абдурахманом Абуриковым.

– Абдурахман, объясните мне, пожалуйста, такой парадокс: государство чуть ли не уговаривает сельских тружеников записываться в фермеры, выделяет весьма серьезные деньги на поддержку этого бизнеса, а между тем число фермерских хозяйств в стране продолжает сокращаться. Что тут не так? Чего, спрашивается, этим фермерам не хватает?

– Ответу очень коротко. Не хватает земли. Именно по этой причине с девяностых годов прошлого века число фермерских хозяйств в Дагестане уменьшилось с 35000 до 11525. Собственно, точное их число в республике не зна-

ет никто, наши данные расходятся с цифрами Минсельхоза и Росстата, но общая тенденция налицо – за последние двадцать лет количество фермерских хозяйств в республике сократилось примерно в два с половиной раза.

– Вы связываете это с отсутствием частной собственности на землю в Дагестане?

– Так глубоко я не копаю, понимая, что проблема с частной собственностью у нас решится очень и очень нескоро. Я имею в виду то, что сегодня в Дагестане практически невозможно получить участок земли в аренду. Смотрите, глава республики имеет огромное желание поднять

сельское хозяйство на более высокий уровень, активно призывает людей возрождать родные села. В Дагестане громадное число настырных людей с опытом работы на земле, желающих работать на ней. Но их активность абсолютно не востребована, поскольку доступа к земле у этих людей нет.

– Но ведь кто-то землю в аренду получает. Вот у вас, насколько мне известно, есть собственное фермерское хозяйство, а, значит, своя земля. Может, вы сгущаете краски?

– Хорошо, поговорим о моей земле. У меня есть земля в родном селении Чиркей Буйнакского района, где я посадил сады и построил откормочный комплекс для мелкого и крупного рогатого скота, плюс зимние пастбища

в Кочубейской зоне отгонного животноводства, где я держу свой скот, и где вложил огромные средства в строительство животноводческого комплекса и мелиоративной системы. Я очень рад, что вы задали мне этот вопрос, поскольку ситуация с землей, на которой расположены мои пастбища, очень показательна. Во времена СССР более 320 тысяч гектаров земли в Кочубейской зоне принадлежали Грузии. После перестройки грузинские стада с этих земель ушли, и наши чиновники начали их спешно делить. Все, кто обладал хоть каким-то административным ресурсом, начал записывать эти участки на себя. Никакого конкурса, никакого тендера. Есть ресурс, есть выход на правительство – получай свой пай. Государственные предприятия, не имеющие никакого отношения к сельскому хозяйству, ГУПы, МУПы, так называемые подсобные хозяйства при государственных и муниципальных организациях, фиктивные крестьянско-фермерские хозяйства, созданные чиновниками специально для получения этих земель, даже некоторые учебные заведения – каждый получил здесь свой надел. В общем, все, кроме реальных фермеров.

– Я в свое время писал об этом. Если не ошибаюсь, дошло до того, что в компанию по переделу грузинских земель включился даже Дагестанский государственный университет?

– Все правильно, ДГУ имел ресурс, имел возможность, и в итоге землю получил. Заметьте, я абсолютно никого не осуждаю, на месте этих людей очень многие поступили бы точно так же, поскольку на фоне тогдашнего беспредела этой ситуацией грех было не воспользоваться.

– У вас тоже был административный ресурс, благодаря которому вы получили пастбища на этих землях?

– Ага (*смеется*), огромный ресурс в лице папы-чабана. Просто молодость и настырность иногда творят чудеса. Я полгода практически каждый день приходил в Дом правительства и записывался на прием к главе правительства Мирзабекову. В итоге я вытащил свой счастливый билет – Абдуразак Марданович меня принял, внимательно выслушал и поручил одному из своих замов помочь в решении моего вопро-

са. Так я получил в аренду свой первый участок земли в Кочубейской зоне отгонного животноводства. Как видите, мой пример – это просто исключение из правил, поскольку на этих землях реальных фермеров оказались единицы, остальные же фермеры относились к категории назначенных.

– А это что за категория?

– Родственники чиновников, которым поручили зарегистрировать фермерские хозяйства, чтобы появилась возможность записать на них «ничейные» земли. Впоследствии ни один из них здесь не появился, как, впрочем, и большинство землевладельцев рангом повыше.

– То есть земля пустовала?

– Ни в коем случае. Она очень активно работала, можно сказать даже чересчур активно. Я как раз подобрался к сути проблемы, о которой вам хотел рассказать. На эти земли со своими стадами пришли реальные фермеры. Правда, по бумагам они никакими фермерами не являлись, поскольку своей земли не имели, а чужие наделы брали в субаренду, отдавая хозяину земли плату, которая в 5-10 раз превышала его затраты на аренду. Это, естественно, отражается на себестоимости продукции, значительно удорожая ее, но, поскольку такая ситуация обе стороны устраивает, все продолжается вот уже больше двадцати лет.

Увы, рост себестоимости – это не единственная издержка подобного сосуществования. В конце концов, кого в республике волнуют цены,

по которым люди вынуждены покупать мясо, – при всех обстоятельствах они его все равно покупать будут. Намного хуже другое – практически все субарендаторы ведут себя как квартиранты, по принципу: после меня хоть потоп.

– Есть еще одна пословица на эту тему, на мой взгляд, в данном случае более уместная: после нас хоть трава не расти.

– Все правильно, вижу, вы сразу поняли, о чем я хочу рассказать. При таком подходе через 5-10 лет все эти пастбища превратятся в пустыню, поскольку их эксплуатируют абсолютно варварски. Никто из «квартирантов» не перегоняет скот на летние пастбища, стараясь уменьшить расходы, понесенные из-за многократно завышенной арендной платы. Никто не соблюдает нормы выпаса, никто не занимается увеличением плодородности этих земель, их поливом, защитой от эрозии. В итоге уже сегодня ситуация здесь близка к катастрофической. Но самое печальное, подобный подход к решению земельного вопроса характерен практически для всех районов Дагестана, всех сельхозугодий. Кстати, при желании субарендаторов понять можно. Они работают на чужой земле на птичьих правах, в любое время ее хозяин может расторгнуть договор и сказать: «Пошел вон!». И кто, скажите, в такой ситуации будет думать о бережном отношении к земле, ее сохранении для детей и внуков?

Именно из-за субаренды, породившей тысячи «квартирантов», сегодня в республике пахотные земли превращаются в сенокосы, се-

нокосы – в пастбища, а пастбища – в пустыни. И при этом около 60 процентов земли не используется по целевому назначению, поскольку ее хозяева не могут найти наемных работников, согласных работать на их кабальных условиях.

– Некоторые эксперты считают, что введение частной собственности на землю поможет исправить эту ситуацию.

– Есть рецепт попроще, и не такой болезненный. Для начала необходимо произвести полную инвентаризацию всех угодий. Чтобы посмотреть на паспорт земельного участка — и сразу понятно: кто хозяин, а кто реально работает на нем. Следующий этап отобрать землю у тех, кто ее не возделывает, и передать тем, кто на ней действительно работает. Вернее, создать ситуацию, при которой хозяева земли добровольно захотят избавиться от своих наделов. Потому что в противном случае против них сразу же будут использовать административный ресурс. Кстати, это вовсе не моя фантазия на тему восстановления социальной справедливости на селе. Это (напомню для тех, кто забыл) прямые указания Владимира Владимировича Путина, которые он озвучил в прошлом году на одном из совещаний, посвященных обсуждению земельных проблем в России.

Кстати, инвентаризация позволит ответить на вопросы, по поводу которых в Дагестане постоянно спорят: сколько в республике имеется овец, сколько овощей и фруктов мы выращиваем, сколько мяса производим. Сколько, наконец, у нас имеется реальных фермеров.

Если в результате принятых мер мы сумеем обеспечить желающим доступ к земле, число фермеров начнет стремительно расти, при этом уговаривать никого не придется. Наши люди не любят работать на хозяина, а вот на себя будут трудиться с полной отдачей, не разгибая спины. Дай человеку землю и гарантии того, что земля эта достанется его детям и внукам, и он с этой земли не уйдет ни в какой город. Больше того, он сделает все, чтобы эта земля никогда не истощалась. Выгодно это будет всем нам. Рамазан Абдулатипов постоянно говорит о необходимости повышения налогового потенциала республики. А это разве не реальный путь его повышения.

– **Что вы имеете в виду?**

– Смотрите, сегодня в Дагестане зарегистрировано свыше 450 тысяч личных подсобных хозяйств (ЛПХ). Представьте себе, что хотя бы 10% из них захотят стать фермерами (10% от 450 тысяч ЛПХ – это 45 тысяч новых КФХ), хотя на самом деле уверен, процент этот будет намного выше. Теперь считаем: каждый фермер платит в различные фонды примерно 25 тысяч рублей в год на одного работника. При наличии хотя бы одного зарегистрированного работника в каждом КФХ, в итоге суммарные платежи составят более миллиарда рублей. Это минимум. Добавьте сюда арендную плату, остальные налоги и получится еще более внушительная сумма.

Кроме того, практически все члены ЛПХ сегодня числятся безработными, получают пособия. Из-за низких доходов им выплачивают субсидии на оплату жилищно-коммунальных услуг. Как только они станут фермерами, никаких пособий и субсидий не понадобится, эти люди сами накормят не только себя, но и тысячи других дагестанцев.

Еще раз повторюсь – насильно человека фермером сделать невозможно. Но если мы создадим условия, при которых быть фермером будет выгодно, проблема эта решится сама собой. Причем времени для ее решения у нас не очень много, потому что уходит поколение тех, кто может работать на селе. И не факт, что сегодняшняя молодежь захочет копаться в земле, зарабатывая на жизнь нелегким трудом животновода, садовода, хлебороба.

– **Как я понимаю, будущее республики вы связываете исключительно с развитием индивидуальных форм хозяйствования?**

– Естественно, всякие там ГУПы, МУПы, СПК, агрохолдинги типа «Дагагрокомплекса» давно уже доказали свою несостоятельность. Смотрите, по царской переписи 1886 года в моем родном селе Чиркей находилось около 180 тысяч голов овец, естественно, с соответствующими землями для их содержания. В советское время в совхозе «Чиркейский» содержалось уже чуть более 30 тысяч овец. Сегодня же в ГУПе «Чиркейский» официально числится

всего 6 тысяч голов овец. В чем причина такой тенденции? В отсутствии хозяина. Нет хозяина – нет хозяйства. В связи с этим я обычно вспоминаю старую историю, случившуюся в нашем селе. Был у нас в школе старый учитель, еще дореволюционной закалки, по имени Айдемир. Как-то много лет назад один из стариков на годекане поинтересовался у соседа, читающего газету, чего там интересного пишут. «Да вот, пишут, – ответил сосед, – что в 1980 году в СССР коммунизм окончательно построят». В этот момент, рассказывая, Айдемир встал и, обращаясь к джамаату, сказал: «А хотите, я вам прямо сейчас коммунизм покажу, не дожидаясь никакого 80-го года? Вон, смотрите», – и он вытянул руку в направлении местечка Таяк (Таяхъ). На этом разговор о коммунизме закончился, потому что до революции Таяк был настоящим оазисом, в котором росли абрикосы, персики, орехи. Ну а при советской власти, потеряв хозяев, Таяк превратился в заброшенную пустошь, по которой гуляла скотина.

Сегодня в Дагестане практически нет СПК, при создании которого не был бы нарушен закон. Членами кооператива у нас, как правило, являются родственники и приближенные руководителя, а остальные – это наемные работники, не имеющие никаких прав. ГУПы тоже давно превратились в вотчины директоров, распоряжающихся государственной собственностью

по своему усмотрению. Да вы сами и без меня все это прекрасно знаете. Сегодня фермерские хозяйства и ЛПХ владеют в республике примерно 20 процентами земли. А сколько, скажите, продукции они производят?

– Примерно 80 процентов.

– Это согласно статистическим отчетам, в реальности же, уверен, еще больше. А теперь представьте, какой бум начнется в сельском хозяйстве, если все эти земли отдать реальным хозяевам. Каждое лето я перегоняю своих овец на пастбища в Салатавские горы. Естественно, на правах субарендатора, поскольку в аренду их мне никто не дает. А между тем сам ГУП «Чиркейский» эти земли не использует – такой вот парадокс. И такое положение дел у нас наблюдается повсеместно, поскольку все эти ГУПы в реальности являются лишь «банками» земли, принадлежащей их руководителям, а также кормушками вышестоящих чиновников.

Я уверен, что Глава республики хочет поднять сельское хозяйство на небывалый уровень, навести порядок в использовании земель сельхозназначения. Мы все знаем, что Рамазан Гаджимурадович – это мудрейший политик, опытный руководитель, философ, человек с творческим подходом к любому делу. Но он не специалист в области сельского хозяйства. Поэтому было бы правильно при реализации проектов, связанных с развитием села, хозяйства учитывать мнение

не только чиновников, но и практиков – тех же фермеров, к примеру.

В республике есть немало добросовестных чиновников, которые стараются поддерживать сельхозтоваропроизводителей. У меня очень хорошие личные отношения с ними. Но наши взгляды по решению некоторых вопросов не всегда совпадают, и не всегда эти чиновники идут на диалог с общественными организациями.

Между тем для наведения порядка нам всем необходимо объединиться, а это невозможно без конструктивного диалога бизнеса и власти, без опоры на фермеров. Власть должна понять, что никто, кроме нас самих, нам не поможет. Никакие внешние инвесторы наших проблем не решат, да и не приходят они к нам. Все эти иранцы, турки и другие крупные инвесторы, подписывающие многочисленные протоколы о намерениях, по существу лишь решают проблему продвижения своих овощей и фруктов на дагестанский рынок и дальше по России, а также хотят получать государственные преференции и земли. Это абсолютно очевидно. Так что единственные реальные инвесторы сегодня – это фермеры. Если фермерам предоставить такие же гарантии от государства и предоставить им землю, будет гораздо меньше риска и гарантированно высокий результат.

– В последнее время в России активно продвигается идея потребительской кооперации, предполагающая, что те же фермеры на паевых условиях начнут строить помещения для долговременного хранения своей продукции, перерабатывающие предприятия. Федеральный центр при этом готов участвовать в финансировании этой программы. На ваш взгляд, эта идея жизнеспособная?

– Наши «семейные» СПК настолько извратили саму идею кооперации, что в Дагестане этого слова попросту боятся. В других российских регионах, насколько мне известно, эта программа работает, уже два года на ее реализацию Москва выделяет очень неплохие деньги. Насколько мне известно, в 2017 году в эту федеральную программу будет включен и Дагестан. Правда, фермерам эти деньги, уверен, не достанутся.

Уже сегодня многие наши перерабатывающие предприятия занимаются перерегистрацией документов, «волшебным» образом превращаясь в сельскохозяйственные потребительские кооперативы. Понятно, что они получили гарантии того, что эти деньги достанутся именно им. Так что, на мой взгляд, перспектив для нас в этом направлении нет.

– А как вообще обстоят дела с финансированием дагестанского агропрома?

– На мой взгляд, крайне плохо. Я считаю, что по сравнению с другими регионами наша республика является явным аутсайдером. Смотрите, в 2016 году Дагестан получил из федерального бюджета около 2 млрд 600 млн рублей на развитие сельского хозяйства. В какой-то момент я заинтересовался обоснованиями этой суммы. По каким критериям федеральный бюджет выделяет регионам деньги на развития АПК? На этот вопрос никто мне толком ответить не смог. Ссылались на какие-то формулы, которые ничего не объясняли. Тогда я начал считать сам. Получилась очень печальная картина.

Смотрите, в сельской местности у нас проживает 1 млн 660 тысяч человек. Это примерно 4,4% всего сельского населения России. Получается, что на одного сельского жителя в год нам выделяется примерно 1,5 тысячи рублей. При этом соседней Ингушетии выделяют около 2 тыс. рублей на человека, Кабардино-Балкарии – 5,6 тыс., Татарстану – 10 тыс., а Брянской области – 25 тысяч. Почему такой разброс, такая дискриминация. Ведь это не только субсидии на поддержку сельхозпроизводителей, но и средства на реализацию программы социаль-

но-экономического развития сельских территорий. Это и строительство школ, детсадов, ФАПов, это и электрификация, газификация сел, это и строительство дорог в районах и селах. Почему же мы в таком случае должны оказываться на обочине? Мы ведь здесь тоже работаем по московскому времени, поддерживаем политический курс Владимира Владимировича Путина, голосуем за Единую Россию, а по господдержке на последнем месте. На мой взгляд, так быть не должно.

Я поинтересовался позицией Минсельхоза и услышал в ответ: «Это деньги Москвы, и она распоряжается ими по своему усмотрению». Прекрасная позиция! Дагестан является полноценным субъектом Российской Федерации. На мой взгляд, что по-

ложено рязанскому мужику, то положено и дагестанскому джигиту. Если федеральные министерства исходят из соображения «Щи да каша – пища наша», то мы должны сказать: «Добавим вам и борщ, но тогда вам надо отказаться от шашлыка и коньяка, а прибыль наших ГЭС

и других крупных компаний оставить для нужд Дагестана». Почему никто не попытается отстаивать интересы родной республики, не добивается пересмотра региональных «квот»?

– А как распределяются деньги, поступающие в республику? Почему регулярно возникают скандалы, связанные с выделением грантов на поддержку тех же фермеров? Неужели так трудно навести порядок в этом вопросе?

– Порядок-то навести легко, другое дело, что никому из тех, кто выделяет деньги, это не нужно. На мой взгляд, муниципалитеты и сельхозпроизводители на местах должны сами определить получателей грантов. «Квоты» фермерам должны распределять фермеры района на своем общем собрании. Сегодня же все гранты и субсидии распределяет министерство сельского хозяйства. Ни фермерские сообщества, ни представители муниципалитетов сюда не допускаются. Соответствующие комиссии в Минсельхозе возглавляет лично министр, а членами являются работники министерства. Правда, для видимости туда еще включают в качестве «понятых» пару общественных деятелей из числа знакомых или друзей тех же чиновников. Отсюда и все истоки возникающих скандалов. У нас, к примеру, не только нет ни од-

ного проекта совместного с Минсельхозом, но даже отсутствует соглашение о сотрудничестве. Это, по-вашему, нормально?

Но, увы, это, для Дагестана норма. У фермеров нет лоббистов в органах власти, нет представителей в законодательных органах. Вы знаете хотя бы одного фермера,

являющегося депутатом Народного Собрания? Нет? Я тоже не знаю. Нет фермеров и среди членов правительства, работников Минсельхоза. Точно так же обстоит дело и с представителями малого и среднего бизнеса в других отраслях. Поэтому наши дела и проблемы обсуждают те, кто о наших делах и проблемах беспокоится, мягко говоря, не должным образом. В итоге они приходят и уходят, а мы остаемся со своими нерешенными проблемами.

Влияние общественных организаций в республике, к сожалению, несущественно, потому что у нас нет рычагов воздействия. Понятие общественный контроль в Дагестане не практикуется и воспринимается чиновниками очень болезненно. А это неправильно, так не должно быть. Если фермерские хозяйства и ЛПХ дают 70-80 процентов сельхозпродукции, то работа Минсельхоза должна быть ориентирована на поддержку именно этого сектора, а государственная политика в области АПК

должна проводиться с непосредственным участием этой категории производителей. Разве не логично было бы включить в руководство Минсельхоза реальных сельхозпроизводителей, способных реально защищать интересы малого и среднего бизнеса в агропроме?

Мы регулярно читаем выступления чиновников, видим их по телевизору. А вот они нас не видят и не слышат. У нас просто нет обратной связи. Это в корне неправильно, поскольку имеется большой риск того, что «коммунизм» у нас наступит не только в местечке Таяк, но и повсеместно.

Аида Мирмаксимова

ГРУЗИНСКИЕ АВАРЦЫ

Их предки больше 200 лет назад переехали из Дагестана в Грузию в поисках лучшей жизни. Теперь, по той же причине, они возвращаются назад. «Дагестан» рассказывает о том, как сейчас живут наши земляки, оказавшиеся за горным перевалом.

Грузия. Кахетия. Кварельский район. От трассы иду несколько минут пешком к селу Тиви. Мимо проезжают машины с российскими номерами и регионом «05». Улыбаюсь: вот дойду и почувствую себя как дома.

– Йорч!ами!

– Вах! Йорч!ами! Лъик! юссарай!

Местные жители приветствуют меня по-аварски. И уже, будто не в Грузии я, а в родном Дагестане.

* * *

Кварельский район имеет общую границу с тремя районами Дагестана: Цунтинским, Тляринским и Бежтинским участком. В трех селах этого района – Тиви, Сарусо и Чантлискуре – проживают представители андо-цезских народов: гунзибцы и анцухцы. Некоторые андо-цезы переселились из горного Дагестана в Грузию еще в XVIII веке, это был естественный процесс – торговцы, ремесленники двигались вперед, осваивая новые территории, многие на этих новых местах и оседали. И до сих пор тут живут их потомки, согласно официальным данным грузинской переписи населения 2014 года, около 3000 человек.

Место проживания, надо сказать, наши земляки выбрали себе неплохое: горы, лес, трасса не мешает. В садах растут орехи, поля кукурузные, огурцы в теплицах выращивают, виноградники (правда, по большей части они грузинские).

– Йо! Кида щварай? – женщины интересуются, когда я приехала.

Аварцы здесь, как и в Дагестане, говорят «ле», обращаясь к мужчинам, и «йо»

– к женщинам. Вообще, многолетнее соседство с грузинами не сильно повлияло на культуру этих людей: тивинцы говорят на анцухском языке, а жители сел Сарусо и Чантлискуре – на гунзибском. Но во всех трех селениях прекрасно говорят на аварском литературном языке и, конечно, на грузинском. С прошлого года в тивинской школе открыли подготовительный класс, в котором аварских детей обучают государственному, то есть, грузинскому языку. Я по-аварски и по-грузински не говорю, поэтому беседа наша идет на русском.

– Это была проблема для нас. Все аварские дети до школы практически не знали грузинский, потому что дома говорят на своем. А потом приходят в школу и ничего не понимают, – рассказывает директор школы в Тиви Гиорги Хутишвили. – Сейчас в течение года в подготовительном классе с детьми говорят по-грузински. И к первому

классу они уже понимают язык настолько, что могут изучать на нем другие школьные предметы.

Но родной и аварский языки дети не забывают: на родном говорят дома, аварский учат в школе. А на разных школьных мероприятиях ученики-аварцы, само собой и танцуют свои, а не грузинские танцы и поют свои песни. Да что аварцы! Пока общалась с педагогами, две учительницы, обе грузинки, между прочим, спели мне на аварском.

В тивинской школе только два учителя этнические аварцы, все остальные – грузины. На работу сюда они приезжают из соседних сел. Всего в школе около 35 учеников. В этом году пришли восемь первоклашек.

– У нас давно такого не было! Обычно 2-3 ребенка, а тут сразу 8! – радуется Гиорги Хутишвили.

Школьное образование в Тиви, Сарусо и Чантликсуре только до 8 класса. Чтобы учиться дальше, нужно ездить в Ахалсопели – соседнее село. Но чаще всего дети не продолжают учебу. Девочки после 8 класса помогают матерям по хозяйству, а потом выходят замуж.

Цезам из Сарусо и Чантликсуре проще: в обоих селах живут гунзибцы и можно выбрать жениха или невесту из соседнего села, и не покидать родные места. А вот жителям Тиви – анцухцам, сложнее, они одни такие в регионе. Редко когда девушка из Тиви выходит замуж в Сарусо или в Чантликсуре, чаще – в Дагестан, за своих – анцухцев, тляратинцев.

Но, хотя межродственные браки у цезов допустимы, близкородственные они не одобряют:

– Меня хотели за двоюродного брата отдать. Я отцу сказала: «В первую же ночь я убью твоего племянника. Не допускай этого». Не знаю, послушал отец меня или сам не собирался отдавать, просто мое мнение спрашивал, но на этом браке настаивать не стал. Не знаю, почему в Дагестане так хотят жениться на близких родственниках, может, не хотят свое добро другим отдавать? – смеется Зейнаб из Тиви.

– Там, в Дагестане, так сейчас все делают. Ну, что это такое? Мы это осуждаем. Она же моя сестра, как я могу жениться на ней? – говорит Махмуд из Чантликсуре.

Несмотря на то, что у анцухцев выбор небольшой, с грузинами здесь практически никогда не рождаются.

– За всю историю Тиви 7-8 случаев грузино-аварских браков. Но это исключения из правил, – вспоминает Али Алиев, житель Тиви.

Его односельчанка Арапат подтверждает:

– Был случай, когда девушка вышла замуж за грузина. Родители с ней долго-долго не разговаривали, не ходили к ней, ее сюда не пускали. Помирились лет через 25. У нее уже дети взрослые были. Даже у меня немного были проблемы с родственниками из-за того, что я за азербайджанца замуж вышла. Спрашивали: «Почему не за своего?» Хоть он и мусульманин, но все равно недовольные были.

– Один наш знакомый из Махачкалы очень религиозный. Его жена ходит закрытая, намаз делает. Дочка первый раз замуж вышла, но разошлась. Второй раз вышла за грузина. Мой отец спросил у него: «Ях-намус где твой? Наши девочки в Грузии и то

за грузин не выходят, а ты свою отдал». А этот мужчина сказал: «Они друг друга любят. Если бы я им запретил, я бы себе на душу грех взял, а я восемь раз в хадж ездил», – вспоминает Зейнаб.

Свадьбы в аварских селах Грузии проходят весело. По традиции, их здесь отмечают два дня. Иногда случаются кражи невест, правда, редко, и обычно родители бывают в курсе намерений молодых. И обусловлено умыкание скорее материальными соображениями: такой вариант обходится дешевле, чем традиционный – со сватовством и тратой огромного количества денег на подарки всем родственникам.

А вот своих музыкантов у грузинских аварцев нет. Чтобы музыка играла аварская, на свадьбу специально приглашают музыкантов и певцов из Белоканского или Закатальского районов Азербайджана, до которых всего пара часов езды. Но грузинские песни тоже поют, как правило, когда застолье особенно удалось.

Прохожу в дом, мне сразу заваривают кофе. Эту традицию – а распивание кофе здесь уже традиция – переняли у грузин. Местные женщины прекрасно умеют готовить блюда грузинской национальной кухни, но и свою не забывают, конечно. Вот Зухра готовит чуду с творогом, но называет их аварскими хачапури. Традиционная горская пища состоит из муки и мяса, а здесь, на равнине, где много овощей и зелени, дагестанцы очень хорошо приспособились к продуктовому изобилию и быстро переняли гастро-культуру. На праздничных столах сациви, чахохбили, чакпули – большинство дагестанцев и слов-то таких не знают, а наши в Грузии готовят!

* * *

Много книг и научных трудов написано о процессах интеграции, о том, как все должно происходить, и почти всегда предполагается, что этими процессами будут руководить откуда-то сверху. Но жизнь сложнее и проще одновременно. Да, не отдают цезы своих девочек за грузинских парней. Но при этом умудряются породниться с грузинами другим способом – становятся крестными грузинских детей. Некоторым, наверное, такое покажется неправильным, ведь и мусульманин не имеет права принимать участие в обряде чужой для него религии, и христианин не может выбирать в качестве крестного того, кто сам не крещен. Но тут, за перевалом, это уже стало традицией. Наверное, люди просто нашли другой вид куначества. Грузинка Мэри попросила аварку Зейнаб стать крестной мамой ее ребенка.

– Мне было 23 года, когда мы с Зейнаб подружились. Дома я рассказала про нее. Моя свекровь сказала, что в детстве училась в одном классе с ее отцом и предложила, чтобы Зейнаб крестила моего ребенка, чтобы мы породнились и могли дальше продолжить дружбу между нашими семьями, – рассказывает Мэри.

Зейнаб сидит рядом и вспоминает еще один случай. Позже я услышу эту историю и от других людей. Наверное, она уже стала сельской легендой:

– У одной женщины все дети умирали. Четыре раза она родила, но ни один не выжил.

Когда родился пятый, мальчик, она пошла молиться и попросила бога, чтобы он оставил ей этого ребенка. В ту же ночь она увидела сон, ей кто-то сказал: «Если ты хочешь, чтобы твой ребенок жил, пусть его крестным будет мусульманин». Они пришли к моему отцу, просить его стать крестным их ребенка. Мой отец сказал, чтобы мальчика назвали Султаном, и ему дали это имя. Мой отец стал крестным отцом ему, а моя сестра – крестной мамой. Всего мой папа крестил 30 человек. – Зейнаб этим очень гордится.

Много вопросов к этой традиции, но местные держатся за нее и иногда получают поддержку даже от священнослужителей.

– Я приехал в церковь крестить ребенка своего друга. Там был один молодой священник, он сказал, что басурманин не может быть крестным, что нельзя. Это услышал пожилой священник и стал молодого ругать: «Покажи, где это написано, что нельзя?» и прогнал его, – смеется Али.

– Когда мусульмане крестят детей, считается, что у ребенка появляется дополнительный ангел-хранитель, – говорит Мэри.

– Нам нельзя им отказывать, – перебивает Зейнаб. – Грех нам будет, если мы откажемся. Но я крест в руки не взяла. Батюшку предупредили об этом, он сказал: «Ради уважения я не дам ей крест. Уже хорошо то, что она сделала нам уважение и зашла в церковь».

* * *

Прогуливаюсь по Тиви. Село небольшое, здесь проживают около 300 человек, в основном – пенсионеры. На все село – один продуктовый магазин. Предприимчивая Аминат открыла сначала небольшую будку, в которой торговала продуктами и товарами первой необходимости, а потом построила магазин побольше.

Если кто-то заболел, нужно ехать в Ахалсопели – там ближайшая поликлиника. А если нужна госпитализация, то ехать приходится в Кварели – там ближайшая больница.

Зимой село будто в спячке. Детей увидишь только, когда они идут в школу и обратно. Но с наступлением летних каникул все меняется, село оживает. Съезжаются уехавшие, кто-то привозит детей на каникулы, кто-то приезжает, чтобы отремонтировать родительский дом.

Еще лет пять назад сельчане, которые собирались переезжать в Дагестан, продавали свои дома и земельные участки. Те, кто здесь оставался, жаловались, что село пустеет, молодежь уезжает из села, и никто сюда не хочет возвращаться. Сейчас дома в Тиви почти никто не продает, а каждый третий заброшенный дом восстанавливается.

Алипат приезжает в Тиви несколько раз в год. В Махачкале зарабатывает деньги, а в Тиви

вкладывает их в восстановление родительского дома.

– В этом году окна поменяла, лестницу на второй этаж новую построила. В следующий приезд крышу буду менять. Хочу потом сюда вернуться и здесь старость доживать. – У Алипат такое лицо, будто старость, о которой она говорит, это – не немощь, не болезни, не угасание интереса ко всему, что вокруг, а долгожданный отпуск, награда за труды.

Но, к сожалению, молодежь по-прежнему старается уехать из села и вообще из Грузии. Молодая семья Малики и Махача Махмудовых два с половиной года назад переехала в Дагестан из Тиви. Переезжать с маленьким ребенком на новое место было нелегко, но в Грузии нет стабильной работы и хорошей зарплаты. Большинство уехавших не питают особых надежд, не мечтают занимать какие-то высокие посты или министерские должности, – лишь бы была работа, любая.

– Здесь в селе только огород и коровы. Смотришь на них и все. Молодежь не хочет оставаться тут среди стариков, – говорит Малика. – В Махачкале я работаю продавщицей на рынке, продаю мужскую одежду, а муж – на стройке, у него работа сезонная. Но в селе даже такой работы нет, поэтому мы уехали и не жалеем об этом. К тому же, все наши родственники и близкие – в Дагестане. Если нужна какая-то помощь, они рядом.

Молодежь не хочет здесь жить еще и потому, что нет элементарных условий для нормальной жизни: газа, горячей воды. В холодное время спасает печка-буржуйка: и комнату согреет, и обед на ней можно приготовить. Огороды, сады, скот – это все нехитрое хозяйство, которым живут грузинские аварцы. Некоторые продают в Дагестан вино и мед.

– Сюда приезжают по несколько машин из Махачкалы. Летом – каждую неделю, зимой реже. Это свои же аварцы, которые переехали в Махачкалу. Они увозят отсюда сыр, мед, фрукты, вино всех сортов, кофе, джонджоли, чурчхелу, местные сухофрукты, варенья. Это не один-два килограмма, а 300-400 кг. Все это продается на рынке в Махачкале и идет в грузинские рестораны – там их три. У меня в этом году было почти 700 литров вина. Все забрали, даже для дома не осталось, – говорит Али.

Сами местные жители надеются на открытие так называемой аваро-кахетинской трассы, которая соединяет Дагестан с Грузией. Те, что постарше вспоминают, как когда-то пешком проходили перевал и через 10 с лишним часов были уже в соседней республике. Почти год назад сельчане собирали подписи в поддержку открытия дороги, но откроют ли дорогу в ближайшем будущем, пока неизвестно.

Владимир Севриновский

– Ну что ты заладил – Дарвин, Дарвин... Современная наука давно от его теории отказалась. Да и сам он был верующим и придумал ее так, на досуге. Всем разумным людям понятно, что не человек произошел от обезьяны, а обезьяна – от человека. И свинья тоже.

Мы сидим за длинным столом, уставленным тарелками с пирогами и мясным бульоном (отказаться от дополнительной порции нельзя, а то хозяйки обидятся), и ведем неспешный разговор о всякой всячине. Так, должно быть, трапезничали древние греки – среди вьющихся виноградных лоз и без женщин (прислуживающие рабыни не в счет). Даже темы у них наверняка были схожие – холоднее ли мясо, на которое дует ветер, и если да, то почему. Так за сотни лет не приметно зародилась наука. Описав полный круг, мы вернулись к истокам. Жужжат насекомые, веет слабый ветерок, и нет науки, лишь ее далекое предчувствие.

Я думаю, что даже среди моих знакомых в Кембридже удивительно много религиозных

людей, и это не мешает им воспринимать дарвиновскую теорию. Но вслух ничего не говорю. Религия здесь – такая же молодая, как наука. Имамы лишь недавно стали важнее председателей сельсовета, а неопит всегда рвется в бой за веру и норовит обращать заблудшие души. Вместо ответа я встаю из-за стола и иду к умывальнику. Вода здесь чистая и звонкая – она течет в дом прямо из горного родника.

Уже несколько дней я гощу в большом табасаранском селении. Я приехал на сезон свадеб – конец августа. Братья, когда-то выросшие в этом доме, вновь съехались сюда на праздники со своими детьми; и странно мне было видеть мою московскую знакомую, облаченную в платочек и избегающую всякого общения. Сельские нравы строгие – из мужчин с девушкой имеют право общаться только родственники или ее жених, да и тот изредка.

На свадьбах расхождение кавказских и шариатских традиций было особенно заметно. Первая, умеренно мусульманская, ознаменовалась

танцами до глубокой ночи, на которые собралась вся деревня – от младенцев до старух. Жених лихо отплясывал с куриной тушкой, а его брат – с бутылкой водки. Такие подарки традиционно дарит теща, и я подивился мудрости этого старого обычая. Кто знает, может, если бы тещи повсюду дарили зятьям еду и выпивку, о них бы не шла такая дурная слава. Но всех заткнули за пояс малые пацаны. Сперва они танцевали со взрослыми родственницами, а затем сбились в кучку, так что их долго не могли увести с площадки, чтобы освободить место другим.

Девушки кружились, сжимая в руках купюры, – правила хорошего тона в Дюбеке требуют от мужчины дать партнерше не менее пятидесяти

рублей. Почти все деньги позже перекачивают в мешок с подарками молодой паре. Одна из девушек танцует в футболке с надписью «I love my boyfriend», но, к счастью для нее, английский здесь мало кто понимает. Неженатые парни, вернувшиеся из армии, вполголоса делают десятиклассниц – кто к какой первым посылает сватов.

На шариатской свадьбе танцев нет, вместо них – длинный молебен. Им руководит седобородый деревенский имам. Напевая суры, он не забывает строгими быстрыми жестами поправлять щеголеватого внука, который молится у противоположной стены. На середине молитвы всем разливают шербет, и я успеваю поймать любопытные взгляды из-за двери – там молятся женщины.

– Только представь, журналисты написали, что наш имам похож на Хоттабыча! – возмущается один из гостей.

Я едва не рассмеялся – что может быть обидного в сравнении с таким обаятельным персонажем? Тем более – действительно, похож...

Заметив улыбку, гость неодобрительно качает головой:

– Запомни: если ты о нашем селе плохо расскажешь, мы тебя где угодно найдем. Не спрячешься.

Лишь на следующий день, когда сваты уже выкупили невесту, ее подружки все же сорвались в безудержный пляс, отбивая ритм на сундуке с приданым, и был этот танец еще более радостным и жгучим оттого, что все осознавали его быстротечность. Несколько минут – и невесту выво-

дят из родительского дома, машины кортежа обливают водой из ведер, а мальчишки, перегородившие дорогу бревном, требуют выкуп водкой, но получают только несколько бутылок газировки. Зато все гости после молитвы уходят с пакетами сладостей. И на свадьбах, и на кладбищах – всюду раздают конфеты.

В дагестанских селах нет ничего выразительнее окон. На улице может бушевать гулянье, но взглянешь выше – и поневоле засмотришься. Все поколения собираются там, в глубокой тени за ставнями. Матери семейств с тяжелыми серьгами и морщинистыми лицами глядят вниз со смесью снисходительности и ностальгии, молодые женщины показывают младенцам широкий мир, а дети, подперев кулачками лицо, смотрят заворуженно на странных взрослых и их непонятные игры...

Мальчишки сидят на диване, уставившись в телевизор, который днем, кажется, вовсе не выключают. В углу примостилась сестренка. Поджав тонкие коленки, она наблюдает – то ли за действием на экране, то ли за братьями. В комнату заходит еще один брат, совсем маленький. Он видит, что на диване нет места, и говорит писклявым важным голосом:

– Уступи место мужчине, женщина!

– А ты мужчина? – ехидно отвечает сестра. – Очень сомневаюсь.

Но место уступает.

Ближе к вечеру у телевизора собираются мужчины. Всеобщие рукопожатия – кажется,

четвертые за день. Смотрят видео из Мекки – каждый год миллиардер Сулейман Керимов за свой счет отправляет двух селян, вытащивших счастливый жребий, на хадж.

Выпуск новостей. В республике убит один из самых влиятельных шейхов. Террористка – русская, вышедшая замуж за ваххабита. Уже потом я узнал, что она была актрисой, окончила институт с красным дипломом, а затем играла главную роль в спектакле Русского театра – Олесю, дочку ведьмы, с позором изгнанную из церкви и наславшую селянам напоследок жуткий град.

Один из братьев – бизнесмен, владелец необъятных виноградников на юге России.

– Узнал я недавно, что мой виноград воруют. Знакомые сообщили, что кто-то на рынке торгует по двадцать рублей – в два раза дешевле, чем мои точки. Стало быть, украли. А у кого тут красть, как не у меня? Я и попросил пастухов, чтобы ночью подежурили. В три часа утра звонят – говорят, поймали. Приехали двое на пятерке «Жигулей», четверть тонны в багажник набили. В салоне задние кресла сняты, туда еще двести кило бы влезло. Я сказал полицию вызывать, и сам туда поехал. Смотрю – а это даргинцы. Наши, стало быть, из Дагестана. «Не губи, брат!» – просят. Как воровали, значит, чужой был, а сейчас – брат... Я им в ответ: «Дурни, зачем воруете? Нужен виноград – попросите по-человечески». Сюда же все за ним ездят, мне не жалко. Министры, начальники... Даже

батюшка. Молодой такой. Этот больше всех берет. Только из друзей, кому я рад по-настоящему, пока ни один не приехал...

Наконец, добрались полицейские. Я говорю – всем даю по барану. И пастухам, и вам. Извините, что побеспокоил. Те отвечают – не все так просто. Вызов зарегистрирован, отчитаться надо. Вот и пришлось моим ребятам в самую горячую пору в райцентр мотаться в рабочее время, объяснения писать. Чтоб еще раз я с полицией связался, да ни в жизнь! А воров отпустил. И виноград срезанный разрешил забрать, не пропадать же ему...

– Эй, брат, держи стакан. Водку пить будем! Кто тебе сказал, что мусульманам нельзя? Это ваши дарвинисты пудрят мозги людям. Пророк запретил пить вино, вот мы его и не пьем. А про водку он ничего не говорил.

И вновь – древнегреческая трапеза, смены блюд, и прислужницы, и вода журчит, и так же свободно льются речи.

– Когда я был маленький, то думал, что светское искусство – это советское. Потом подрос и понял, что светское – это самое что ни есть антисоветское!

Мать семейства торжественно ставит на стол поднос с пышущими жаром пирогами-чуду. Взять их невозможно – обжигают пальцы, и мы по очереди приоткрываем у верхних кусков

наружный слой теста, не снимая их с блюда. От начинки из мяса и мяты валит пар. Кажется, он пьянит сильнее водки, и темы с каждой минутой становятся все причудливей.

– Знаешь ли ты, сколько будет «много»? Так вот, я открыл, что «много» – это пять или больше. Только послушай: «один ишак», «два ишака», «три ишака», «четыре ишака» и, наконец, «пять ишаков»! Дальше так и будет – «ишаков», хоть их сотня, хоть целый миллион. Стало быть, «пять» – это уже много. Потому Аллах и разрешил иметь не больше четырех жен.

Когда желудок наполнен до отказа, приходит очередь чая, конфет, арбузов и всеобщего умиротворения.

– Фараоны вымерли, когда из Египта ушли евреи. Некому стало работать. Не повезло беднякам – не было тогда таджиков.

И все хорошо, пока речь не заходит о вере. Братья охотно бы смирились с присутствием с ними за одним столом христианина или иудея, но я, не разделяющий ни одной из религий Книги, кажусь им кем-то вроде дарвиновской обезьяны, и они упорно пытаются сделать из меня человека.

Утомившись от постоянных пиров, иду по дороге – вверх, в горы. Почти сразу рядом тормозит машина с четырьмя джигитами. Горохом сыплются вопросы – Кто? Откуда? Где живешь? Слово пароль, называю фамилию приютившей меня семьи, и джигиты моментально превращаются в воплощенное дружелюбие, расцветают улыбками и предлагают подвезти. А на горы уже опускается быстрый закат, и манящие тропки расходятся, словно ветви диких яблонь. Девочка покормила барашка в загоне, и теперь бежит вниз, к селению. Тоненькое платьице развеивается на ветру, в руке – ненужный посох, в

ослепительно черных волосах трепещет синяя лента. И недалеко она совсем, и догнать ее так же невозможно, как собственную юность...

Светлые выцветшие глаза в сетке морщин. Бабушка смотрит на меня участливо и чуть насто-роженно.

– Иностранные языки знаешь? – спрашивает один из братьев.

Я киваю.

– Вот и отлично. Тогда повторяй за мной: «Бисмиллях ир-рахман ир-рахим...»

Я послушно произношу слова молитвы, и все вокруг улыбаются, словно я только что сдал сложный экзамен. Я радуюсь, что долгие разговоры о религии, наконец-то, позади, ведь мне не хочется никого разубеждать и никому ничего доказывать, даже если

бы это и было возможно. Все довольны – и ладно. Я улыбаюсь им в ответ и старая женщина, протянув руки, благословляет меня на арабском языке.

Мадина Рамазанова

МАЭСТРО ХЛЕБНИКОВ

Минувшей осенью в республике был создан Единый национальный симфонический оркестр Дагестана. А уже в декабре состоялся Новогодний симфонический концерт, на котором коллектив под руководством знаменитого дирижера, народного артиста России Валерия Хлебникова представил публике большую сложную программу, подарив слушателям такие музыкальные шедевры, как: «Марш Радецкого», полька «Трик-Трак» и вальс «Розы юга» Штрауса, «Лебединое озеро» Чайковского, «Лезгинка» Агабабова и многое другое. Накануне этого значимого музыкального события дирижер Валерий Хлебников дал интервью нашему журналу.

Валерий Владимирович Хлебников – российский дирижер, гобоист и музыкальный педагог. Более 30 лет проработал солистом симфонического оркестра Ростовской филармонии, профессор Ростовской консерватории, заслуженный артист РСФСР, народный артист Чеченской Республики, народный артист России, лауреат национальной премии «Человек года» (2014) в области культуры. Профессор Хлебников сегодня – один из лучших преподавателей России по классу гобоя. Он с успехом представляет страну в Германии, Финляндии, Франции, Польше, ЮАР, Намибии, Мальте, Испании, Италии. С 1 апреля 2015 года Валерий Хлебников по приглашению Министерства культуры Дагестана работает художественным руководителем Симфонического оркестра РД, на базе которого и образован Единый национальный симфонический оркестр республики.

– В какой момент вы решили связать свою жизнь с музыкой, и жалели ли об этом когда-нибудь?

– На самом деле я никогда не решал связывать свою жизнь с музыкой. Я просто любил музыку. С самого детства. Сколько себя помню.

Уже в пять лет я довольно лихо играл на гармошке в деревне! Я просто никогда не думал и не думаю, что могу заниматься чем-то другим, кроме музыки.

– Гобоист, музыкальный педагог, дирижер. Что все-таки для вас первостепенно?

тем более. Зал на полторы тысячи мест был переполнен. Я впервые в жизни дирижировал концертом, когда публика сидела не только сзади, как в обычных залах, к чему я привык за все годы, но еще и спереди, и с обеих сторон. Это было очень непривычно, поскольку я никогда не слежу за своей мимикой во время дирижирования, а здесь пришлось контролировать себя, чтобы не гримасничать. Эмоции, конечно, переполняли – великолепный оркестр, огромный орган, потряса-

– Я преподаю в Ростовской консерватории. Уже продолжительное время веду класс гобоя и дирижирования. Многие мои студенты играют в очень серьезных и престижных оркестрах в России и за рубежом: в Шведской Королевской опере, в Большом театре, в Мариинском театре. Среди моих студентов много лауреатов международных конкурсов. Я с удовольствием занимаюсь с талантливыми ребятами. Именно это доставляет мне огромную радость.

– **Расскажите о самых ярких выступлениях за последнее время.**

– 14 апреля 2016 в Валенсии (Испания) прошел концерт, в котором я выступил с Испанским камерным оркестром в одном из лучших залов Европы El Palau de la Musica. Исполняли произведения Вивальди, Листа, Баха, а также прозвучала премьера – музыка для двух фортепиано, солирующего кларнета, детского хора и симфонического оркестра испанского композитора Эреса Бруна. Выступали солисты: Александр Яковлев (фортепиано), Саяна Сангидорж (фортепиано), Раул Травел (кларнет), Ваня Скокович (скрипка). Играть в этом зале очень престижно для любого музыканта, для дирижера,

юющие солисты.

Еще одно важное событие – фестиваль фортепианной музыки, проходивший в июне 2016 года тоже в Испании, но в маленьком городке под названием Бенаске. В нем участвовали музыканты из южной Кореи, Китая, Японии, Америки, Болгарии, Сербии. В Бенаске я продирижировал несколько концертов: два концерта Шопена, концерты Бетховена, Моцарта и совершенно удивительное произведение Копланда для кларнета – очень сложное, как для солиста, так и для дирижера.

– **Как такой опыт помогает в работе с нашим коллективом?**

– Тут дело не в опыте, а в том, что я сегодня позиционирую себя именно как дирижер Национального симфонического оркестра Дагестана. То есть, впервые в истории дагестанской академической музыки дирижер выезжает за пределы России и работает в других странах. Такая практика не то, чтобы помогает мне, она позволяет сравнивать, это интересно для меня. У нас в Дагестане есть огромный потенциал для того, чтобы оркестр вышел на серьезный, может быть, даже европейский уровень. Мы начали активно и много репетировать. После объединения Государственного хора и Симфонического оркестра мы работаем по единому репетиционному графику, времени у нас теперь больше, музыканты не «бегают» с одной репетиции на другую, как раньше.

– **Что уже есть в репертуаре нового дагестанского оркестра, и что еще будет?**

– Все, что было исполнено с испанским оркестром, есть и в репертуаре нашего коллектива. Недавно мы исполняли здесь «Времена года» Вивальди. С успехом представили в Махачкале «Реквием» Моцарта. Концерт тогда посетил глава республики Рамазан Абдулатипов. Сейчас у нас необъятный фронт работы, я намерен продирижировать всё, написанное дагестанскими композиторами. Я, как дирижер, обязан это сделать, а как человеку мне это интересно. Публика должна познакомиться с музыкой дагестанских авторов. Наби Дагиров, Готфрид Гасанов, Сергей Агабабов, Мурад Кажлаев, Ширвани Чалаев, Магомед Касумов, Магомед Гусейнов и другие – все это значимые имена для республики, их произведения должны звучать!

– **Как Вы оцениваете потенциал музыкантов Симфонического оркестра Дагестана?**

– Я испытываю истинное удовольствие от работы с оркестром – за очень короткое время музыканты достигли очень хорошего уровня. Мы можем исполнять виртуозные произведения,

которые ранее в Дагестане не звучали. Это, например, 6-я симфония Чайковского, 40-я симфония Моцарта и т.д. В наших планах – приглашение для участия в совместных концертах лучших пианистов. Думаю, в недалеком будущем мы представим дагестанскому слушателю и 9-ю симфонию Бетховена. Тем более что сегодня, благодаря главе республики Рамазану Гаджимурадовичу Абдулатипову, мы стали обладателями новых, прекрасных инструментов. Ранее мы приобрели литавры, трубы, тромбоны фирмы «Vach» малый барабан и тарелки. Теперь к ним добавились трубы, валторны, кларнеты – то

есть, по сути, мы обновили всю духовую группу. Инструменты привезены из Санкт-Петербурга и Амстердама. Весь наш коллектив бесконечно благодарен и руководителю республики, и министру культуры Дагестана Зареме Бутаевой за понимание наших нужд и помощь. Наше новогоднее выступление прошло уже с этими инструментами – прекрасное звучание!

– **Расскажите подробнее об этом концерте. Говорят, что вы планируете перенять опыт Венского оркестра и сделать его традиционным?**

– Да, действительно, у истоков проведения новогодних симфонических концертов стоял Венский филармонический оркестр. Мы решили перенять эту традицию и поэтому составили репертуар первого концерта, за редкими исключениями, из музыки Штрауса.

– **Если что-то во время концерта идет не так, вы вините в первую очередь себя или исполнителей?**

– После каждого концерта мы анализируем свою работу. В искусстве предела совершенству быть не может. Поэтому, конечно, что-то у нас получается, может, даже лучше, чем на репетициях, а что-то выходит совсем не так, как хотелось бы. Самое главное – это реакция публики. Наша, дагестанская, публика доброжелательна, отзывчива и не скупится на аплодисменты, даже когда музыканты играют не идеально, но это не повод расслабляться.

– Каковы ваши планы на 2017 год?

– Мы уже готовимся к Международному Музыкальному Фестивалю «Порт-Петровские Ассамблеи». Надеюсь, руководство Даггосфилармонии включит нас в программу. Я бы хотел пригласить в республику американского кларнетиста, с которым в Испании исполнял музыку Копланда. Я думаю, что он будет достойным участником фестиваля. Также есть большое желание поехать по республике. Практика показала, что люди, однажды услышав музыку великих композиторов, просто влюбляются в нее. Будем работать.

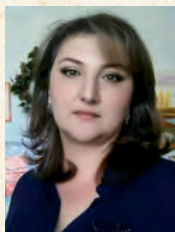
– Мы с вами много говорили о музыке и профессии. А каков Валерий Хлебников вне музыки и профессии?

– Много читаю. Перечитываю то, что прочел раньше. Больше всего это Чехов, Достоевский, Толстой. Стараюсь как можно больше узнать новой музыки, которую раньше не знал. Узнать все, к сожалению, невозможно. Сейчас я усиленно занимаюсь изучением английского языка, поскольку у меня предполагается несколько концертов в англоязычных странах, а язык я знаю недостаточно хорошо. Что еще?.. Люблю футбол! Куда же без него (улыбается). Ну и моя профессия дает мне возможность путешествовать, что я тоже очень люблю.

Фото автора

Диляра Гайдарова

Долгая дорога домой

Я не жила в Дагестане почти 20 лет. Дочь военного офицера и учительницы, меня заносило во все мыслимые и немыслимые города и веси. Бывало такое, что 1 сентября я шла в одну школу, а заканчивала учебный год в другой школе – совсем в другом городе. Поэтому отношение к своей малой Родине – Дагестану – у меня особенное.

Родилась я в Германии, в городе Дрездене, где дислоцировалась военная часть моего отца. Он тогда был старшим лейтенантом. Когда ему сообщили, что родилась дочь, он расстроился и жутко напился. Ждал сына. Но как ни странно, меня он очень любил и баловал.

Второй удар – рождение второй дочери, мой папа выдержал героически в чине капитана. Теперь в расстроенных чувствах пребывала мама. А я, пятилетняя дуреха, с большим красным бантом на голове (сооружение соседки по лестничной площадке) и хорошо выпившим папой, стояла под окнами роддома и орала:

– Ма-ма-а-а-а! По-ка-жи-и-и ля-ль-к-у-у-у!

Мама показывает в окно, с высоты третьего этажа Благовещенского роддома маленький сверток. И я, с чувством выполненного долга повернувшись к отцу, говорю:

– Видел, какая она красивая?

– А как же мы ее назовем?

Рождение дочери не планировалось родителями, поэтому имя было подготовлено только для сына. Я вспомнила подружку, которая жила в селе, рядом с бабушкой.

– Зарема!

– Ну, Зарема, так Зарема! – соглашается со мной папа, пьяно взмахнув рукой.

Впоследствии сестра не раз упрекала меня за это решение. Поклонница новомодных имен, она частенько мне это припоминала, на что я неизменно ей отвечала:

– А меня вообще зовут Мадина, и, представь себе, я еще живу, и не повесилась.

В Дагестане, а точнее, в селе, мы с сестрой и мамой, а иногда и с папой бывали нечасто. То очень далеко служил отец, то перепадала «горячая» семейная путевка на курорт, от которой просто грех отказаться. Но когда бывали в селе, я отрывалась на полную катушку.

К своему великому позору, я не знаю своего родного языка. Как говорит моя мама, я – парниковая даргинка.

Вот так и мотало нас по стране. Только обогнемся, только разложим чашки по полкам, как вдруг – айда! – перевод в другую часть.

Когда я перешла в пятый класс, папу перевели в Буйнакск.

Нас поселили в офицерском городке.

Может, обстановка так подействовала на моего отца (наконец-то дома), а может, погоны майора, но именно в тот год мама родила сына. Вы, наверное, подумаете, что папа был трезв от гордости и радости. Ничего подобного! Понаехало море родственников – маминых, папиных бабушек, дедушек, теток, дядек и прочих. Это была свадьба, проводы, именины, юбилей, все вместе взятое семидневное мероприятие, пока не выписалась из больницы мама и все не разъехались по домам. Имя брату нам с сестрой выбрать не доверили, но мы, оскорбленные, все-таки лезли в споры взрослых. В итоге имя выбрали, оно было старо как мир – Магомед.

На следующий год отца перевели в Краснодар. Чтобы мы не мельтешили под ногами у взрослых при переезде, меня отправили в пионерский лагерь им. Назарова, а сестру – в село к бабушке. Брат по малолетству остался с мамой.

Поступление в пионерский лагерь – особый ритуал. Привез меня туда папа. Путевку и

другие документы он сдавать отправился сам к начальнику, так как я опоздала на пять дней к открытию смены, а меня оставил у медпункта дожидаться медсестру. Появившаяся медсестра, записав все данные, определила меня в первый отряд.

– Ну, пойдем, дорогая, знакомиться с коллективом.

– Вот, ребята, знакомьтесь, к вам новенькая из Краснодара. Зовут Мадина.

Эти огромные серые глаза я увидела сразу. Я не видела любопытных взглядов ребят, только огромные серые глаза. Откуда-то издалека услышала голос:

– Так, девочки, покажите Мадине наш корпус, комнату, кровать, расскажите ей о распорядке дня, в общем, прошу любить и жаловать.

Гомонящая толпа девчонок отвела меня в корпус, знакомить с местом обитания на 20 дней. Зашел попрощаться папа:

– Привыкай, не груби, я сам приеду за тобой.

Если бы я знала, что меня ждет впереди, я бы сказала ему:

– Никогда, никогда не приезжай за мной!

Эти 20 дней пионерского рая навсегда запомнятся мне.

Моя первая любовь не разбила мне сердце, она была взаимной.

Его звали Яраги. Был он из Махачкалы. На первой же дискотеке он отбил меня у всех претендентов на дружбу. Танцевала все вальсы исключительно с ним. Сказать, что я немела от одного только взгляда, было бы неправдой. Я всегда была слишком болтливой. Но он так действовал на меня, что и разговаривать не хотелось, только слушать и слушать его.

Однажды к нему в лагерь приехали родители. Он отдыхал там вместе с двумя сестрами. Вызвав меня из комнаты, он познакомил меня со своими родителями. Они очень серьезно отнеслись к этому. Все бы ничего, но мне тогда было 12 лет, а ему 15. Заканчивалась смена, а вместе с нею и моя первая любовь.

Когда приехал за мной папа, от расстройства я даже заплакала. Папа истолковал это по-своему. Ребят на этот момент в лагере не было. Они все ушли в лес, на отрядную поляну, готовиться к закрытию смены, а я была дежурной по корпусу. Собрав вещи в свой выдавший виды чемоданчик, я со слезами на глазах вышла к папе.

– Ну не плачь. Я же приехал за тобой. Все будет хорошо.

Я расстроилась, что не оставила адреса, а самое главное, забыла фотографии на своей полке. Вспомнила про них, когда были на пути к Махачкале.

Вот так закончилось мое первое любовное приключение. На память от него остались только имя и огромные серые глаза, навсегда запечатлевшиеся в моей памяти.

Я выросла, заканчивала школу. Мы так и остались жить в Краснодаре. Папа дослужился до чина полковника, и теперь в его подчинении была целая военная часть. Каждый день у нас дома околачивались солдаты из части, то за папой приедут, то, наоборот, привезут его домой. Мы с Заремой отчаянно кокетничали с ними, за что нам хорошо доставалось от мамы.

Когда встал вопрос о моей будущей профессии, я заявила родителям:

– Хочу быть хирургом!

– Вайи, аставпируллах! – закричала мама, – когда ты вырастешь, когда повзрослеешь? Почему тебе нейдет? Выбери себе тихую женскую работу. Хирург – это мужская работа. Нет, нет, не надо!

Папа молча выслушал и меня, и мамин причитания, затем спросил:

– Но почему именно медицина?

– Ума нет – иди в пед, стыда нет – иди в мед, а если того и другого нет, иди в культпросвет, – продолжала бормотать мама.

Я не буду рассказывать о маминих причитаниях, но, главное, папа меня поддержал.

Дай Бог здоровья моему папе и папиным знакомым, что помогли мне поступить в Краснодарский Государственный медицинский институт. Я вообще считаю, что не стыдно поступить «по благу», стыдно не учиться.

Самым ярким периодом в моей жизни было, пожалуй, студенчество. Сумасбродство, наглость, бесшабашность – вот три составляющих безмятежной, запоминающейся навсегда юности. Самое главное, – все попробовать (в разумных пределах, естественно). Учились курить все девчонки из нашей группы, когда были в колхозе на сельхозработах. Днем постреляем сигарет у ребят, а вечером, сидя у входа в барак, курим. Попробовали водку. Непьющих медиков, по-моему, не бывает.

Каникулы между курсами проводились на родине, в Дагестане. Хотя я столько жила в Краснодаре, все равно не могу сказать, что это мой дом. Я так люблю Дагестан, что описать свое чувство словами просто невозможно. Когда приезжаешь домой, а вокруг все дагестанцы, то кажется, все тебе они родственники. Хочется всем улыбаться, приветствовать каждого встречного.

По окончании института я порывалась устроиться жить и работать в Махачкале. «Что скажут люди?!» – было вечной отговоркой моей мамы.

Папа помог устроиться в хирургическое отделение Центральной краевой больницы.

Сказать, что меня до 30 лет никто не сватал, было бы неправдой. Была уйма претендентов на руку и сердце, но все они были не моего вкуса, цвета и запаха. Бракосочетание с кузеном мною отвергалось на корню. Имея свободные взгляды на жизнь, несмотря на уважение к обычаям и традициям народов Дагестана, я не смогла побороть в себе независимость и самостоятельность в решении любых проблем. И именно эта черта бесила всех моих ухажеров. Я не хотела становиться в их руках мягким воском. У меня всегда и везде должно было быть свое мнение.

Сестра давно была замужем за кузеном и имела всеми обожаемого сыночка.

Честно говоря, я давно уже мечтала стать матерью. Такой маленький, беспомощный сверточек в руках, издающий самый прекрасный на свете запах – запах материнского молока. Да, это была моя золотая мечта. Но стать матерью-одиночкой – такая перспектива меня не устраивала.

Однажды я дежурила в отделении. Группа дежурных хирургов состояла из трех человек: я, Николай Семенович (пожилой человек лет 52-х), и Артем, старше меня на 5 лет (почти ровесник). Сидели в столовой, чаёвничали, ели чуду мамино приготовления, которые она старательно укладывала каждый раз мне в пакет, когда я уходила на дежурство.

В столовую заглянула медсестра Ирочка:

– Николай Семенович, вас просят срочно спуститься. Там пациент поступил с острым аппендицитом.

– Так, сворачиваем скатерть-самобранку и – в ускоренном темпе в операционную.

Слово старшего дежурного – закон для молодых. Мы с Артемом уже мыли руки и надевали перчатки, когда завезли в операционную его.

Молодой человек лет 32-33, черноглазый, смуглый, с красивыми кудрями. Он не корчился от боли, а просто лежал, плотно сжав губы.

Передо мной лежал Аполлон. Смуглый, кучерявый, с правильным прямым носом; крупный волевой подбородок с ямочкой; брови вразлет. Тело мускулистое, жилистое.

«От такого только рожать», – пришла в голову мысль.

– Мадина, ты меня не слышишь!

Николай Семенович и Артем внимательно смотрели на меня.

– Между прочим, он подданный острова Крит. Приехал к родственникам своим – грекам. Ювелир-бизнесмен. Хочет открыть ювелирный магазин в Краснодаре. Приступ случился в ресторане, где отмечали день рождения его двоюродного брата. В приемном покое стоит целая толпа родственников, ожидает окончания операции. Мадина, миссия общения с родственниками возложена на тебя.

Наконец-то наложен последний шов.

– Вы родственники Алекса Дакеркеса? Операция прошла хорошо. Ему ничто не угрожает. На память об этой поездке в Россию, на его красивом теле останется тоненький шрам с восемью швами. Операция выполнена безукоризненно хирургами-виртуозами. А сейчас всем спокойной ночи! Да, чуть не забыла! Завтра вы можете навестить больного с 16 до 18.30. Не дав раскрыть рта целой толпе родичей, я развернулась на 180 градусов и покинула помещение.

Утром был обход. Не надо было мне заходить туда, в эту палату. Можно было послать Артема. Но меня туда тянуло, как будто магнитом. Он лежал, накрытый простыней до пояса. Лежал с закрытыми глазами. Я тихо подошла, присела рядом на стул. Взяла руку, чтобы нащупать пульс.

– Какие у вас нежные, ласковые руки.

От неожиданности я вздрогнула. Он смотрел на меня сквозь опущенные ресницы.

– Я даже удивился вчера, когда увидел вас в операционной. Надо быть очень смелой, чтобы работать хирургом. Каждый день кровь, раны, переломы.

Я смотрела на его губы. «Хочу его поцеловать... Дура! Успокойся! Раскраснелась, как малолетка!»

– Вам нельзя много разговаривать. Нужно побольше спать. Ешьте только легкое: бульоны, супы, соки. Первые шаги через 2-3 дня.

Говоря все это, я опустила глаза; держа его руку в своей, начала считать удары пульса. «Даже пальцы у него особенные, прямые, длинные, с ухоженными ногтями».

Он развернул свою руку и подушечками пальцев погладил меня по раскрытой ладони. Озноб по спине – как кружка ледяной воды после холодного душа. Я вскочила.

– До свидания.

– Я жду вас.

Дома из головы у меня не выходил Алекс.

– Что, дочка, задумчивая ты сегодня?

– Устала я очень, папа.

На следующее утро, отведав Артема из ординаторской в коридор, я попросила:

– Артем, ты мне друг или портянка?

– Дежурить за тебя не пойду!

– Да не дежурить! Пойди в шестую палату. Проверь больных. Если будут спрашивать, скажи, что главный вызвал, или заболела или еще что-нибудь наври. Ты же профессионал в этом деле.

– О-о-о! Мадиночка! Пришла любовь – открой пошире двери! Пришла любовь – открой объятия свои! А может, это не любовь? Да! Это страсть! Добровольная сдача тела в эксплуатацию.

– Замолчи! Ты идешь?

– Иду. Куда от тебя денешься!

Как бы я ни убежала от Алекса, в одно прекрасное утро он все-таки подкараулил меня в курилке (так и не разучилась после студенчества).

– Мадина, не надо от меня бегать. Я не кусаюсь, и не позволю себе лишнего. Мы не дети. Давайте общаться, как взрослые люди.

Он прекрасно говорил на русском языке. Мама его жила в Краснодаре. Затем вышла замуж за приезжего грека и уехала на Крит. Все это рассказал мне Алекс, сидя со мной в курилке для врачей.

– Я хочу отблагодарить вас за операцию. Завтра я выписываюсь, а через неделю после выписки приглашаю вас в ресторан «Император» – там хорошая кухня.

Он заехал за мной в больницу через неделю – как и обещал.

– Алекс, я не поеду в ресторан в рабочей одежде. Мне неудобно.

– Это не проблема. Я подвезу вас до дома и подожду.

Хорошо, что родителей не было дома. Наспех накрасилась, надела темно-синее вечернее платье, расчесала свои длинные космы и закрутила их в тугий узел на затылке.

Сердце бешено билось у меня в груди, когда мы вышли из машины к ресторану.

Отдельная кабина, превосходная кухня, и такой шикарный мужчина рядом! Это было что-то! Голова кругом!

– Я знаю, что операцию делали не вы одна, остальных врачей я уже отблагодарил. А вам мне хотелось бы преподнести несколько необычный подарок.

Он достал из внутреннего кармана пиджака узкий длинный футляр. Щелкнул замочек. Внутри на черном бархате лежала, извиваясь, золотая цепь.

– Я не возьму такой дорогой подарок. Он будто обязывает меня. Нет, нет!

– Ну, что вы, Мадина! Это я обязан вам. Николай Семенович сказал мне, что ассистировали ему, и накладывали швы именно вы. Спасибо, шрам не будет особенно выделяться, ну а швы вообще великолепны. Разрешите мне в благодарность надеть на вашу красивую шею эту цепочку.

Он встал у меня за спиной. Руки были мягкими, теплыми, нежными. Опять щёлкнул замочек, но уже у меня на шее.

Сперва я не поняла, что случилось, но затем резко вскочила:

– Не надо! Не надо этого делать!

Алекс целовал мне шею, что-то шепнул на ухо.

– Извини, извини ради Бога! Я не хотел тебя обидеть, но я не мог удержаться от соблазна тебя поцеловать.

Остаток вечера прошел скомкано. Я не могла расслабиться, принять извинения. Он отвез меня домой. Ох, как блестели глаза у моей мамы, когда она увидела его подарок:

– Дочка, выйдешь замуж за грека, уедешь от нас. А мы с папой, Заремой, Магомедом будем приезжать к тебе купаться и загорать на Средиземном море.

– Размечталась!

Каждый день Алекс приезжал за мной на черном отполированном до зеркального блеска «Вольво». Машина принадлежала его брату. Дела Алекса шли в гору.

Я была на презентации его ювелирного салона. Это был блеск!

Планировал он открыть еще один магазин в Сочи.

Я не мыслила жизни без него, купалась в его объятиях, таяла, растворялась в нем.

Я влюбилась! Влюбилась, как 17-летняя девчонка – безумно, безоглядно. Я ждала, когда же он мне сделает предложение, но он медлил, умело переводил разговор на другую тему. Мне пришлось однажды прямо спросить его об этом в Сочи, где мы были на выходных. Лежа в постели уютного номера небольшой частной гостиницы на берегу моря я, заглянув ему в глаза, сказала:

– Алекс, как бы я хотела побывать на Крите. Посмотреть твой дом, узнать, чем ты живешь, чем дышишь.

– А зачем? Нам ведь и здесь с тобой хорошо.

– У тебя там все не так ладно?

– Уф... Ну, хорошо, Мадиночка, давай расставим все точки над «i». Я женат, у меня двое прекрасных детей. Браком своим я более чем доволен. Она из состоятельной семьи. Ее отец, т.е. мой тесть, сделал из меня то, чем я являюсь на сегодняшний день. Сам я из небогатой, скорее, средней семьи. Кому я был нужен? Нищий ювелир, пусть даже и талантливый. Этот брак я считаю подарком судьбы. Если привезу тебя туда – это сразу станет известно моим родственникам, жене, тестю. Моему браку, карьере – конец. Но я и с тобой не хочу расставаться, поэтому предлагаю следующее. По работе я часто буду приезжать в Краснодар. Куплю квартиру, ты будешь в ней жить, как говорят мусульмане, второй женой. Я обеспечу тебе безбедную жизнь. Мадина, Мадина, ты куда?

Я встала, начала лихорадочно одеваться.

– Я знал, чувствовал, что ты так отреагируешь! Ну, куда же ты? Что за сумасбродство, Мадина?

Схватив сумку, я бросала туда все свои вещи. «Дура! В любовь поиграть захотелось?! Да, я чувствовала, что такие мужчины свобод-

ными не бывают, но все-таки верила в принца на белом коне. И это в 30 лет! Лошадь!»

Покидав кое-какие вещи в сумку, я развернулась лицом к нему, поднесла указательный палец прямо к его лицу:

– Ты! С сегодняшнего дня, с этого часа оставишь меня в покое. Забудешь имя Мадина. Забудешь мое лицо, мой адрес и вообще про мое существование. Даже про себя не производи мое имя.

Я выскочила из номера, как ошпаренная. Он – за мной, в одних брюках:

– Мадина!

– Пошел вон!

Не помню, как добралась до автостанции, как села в автобус Сочи–Краснодар. Дома я была в каком-то забытье. Только когда увидела маму, разревелась, как маленькая девочка. Плакала от обиды, от жалости к себе. Мама гладила мои волосы и тихим шепотом успокаивала меня:

– Ты у меня самая красивая, самая хорошая дочка на свете. Не надо так плакать, он недостойн твоих слез. У тебя все еще впереди, просто твоя судьба еще не постучалась в двери.

На следующий день я написала заявление главврачу о предоставлении отпуска. Раньше я надеялась, что мы проведем этот отпуск с Алексом на Крите. Я так мечтала побродить по развалинам дворца Кносос, увидеть таинственный лабиринт, в котором обитал ужасный Минотавр. Алекс столько раз рассказывал мне о своем родном городе Ираклионе – воротах острова Крит. О площади Львов в центре Старого города, где в маленьких уютных кафе подают ракию – знаменитую критскую водку, а на закуску можно отведать «псари» – блюдо из свежельвленной рыбы. Но все мои мечты рухнули в одночасье.

Через два дня автобус вез меня домой, в Дагестан, в Махачкалу. Я сбежала от Алекса. Боялась увидеть его, услышать его голос даже по телефону. Сердце мое обливалось кровью.

Семья дяди Рашида (папиного брата) встретила меня радостными криками. Я наслаждалась гостеприимством родственников. Старший сын дяди Рашида – Ризван был женат и жил отдельно от родителей. Неделию спустя Ризван отмечал день рождения своей

трехлетней дочери Аиды. Дядя Рашид, тетя Ума, их дочь Малика и я отправились в гости.

В комнату, полную гостей, я вошла последней.

– Это моя двоюродная сестра Мадина из Краснодара, работает хирургом, поэтому еще не замужем, все ее боятся.

Дружный смех был ответом на представление меня гостям. Эти огромные серые глаза я увидела сразу, как когда-то в детстве. Меня усадили напротив него.

– Здравствуй, Мадина!

– Здравствуй, Яраги!

– Ты такая же хорошенькая, как тогда.

– Спасибо. Ты тоже не изменился особенно.

– О, так вы знакомы?! – глаза Ризвана чуть не вылезли из орбит.

– Давным-давно это было.

– Да, лет 18 уже прошло. В пионерском лагере вместе отдыхали.

От нас наконец-то все отстали.

– Как ты, Мадина?

– Нормально. Работаю. А ты как?

– Тоже ничего. Преподаю в университете на математическом факультете, мучаю бедных студентов.

Как когда-то давно, когда начались танцы, Яраги не давал мне ни с кем танцевать – только с ним.

В комнату ворвалась толпа ребятишек. И накрыли стол в другой комнате.

– Папа, папа!

На руки к Яраги вскарабкалась девчушка лет 3-х с небольшим. Удивительно милая, такая хорошенькая, со смешными косичками.

– Лапочка, папина красавица! Познакомьтесь, это Меседу, а это тетя Мадина.

Она так ласково посмотрела на меня, и сразу протянула мне ручки. Я взяла ее на руки, она доверчиво обняла меня за шею и прошептала на ухо:

– Тетя Мадина, ты такая красивая, хочешь стать моей мамой? Ты купила бы мне куклу и пошли бы мы вместе с ней в парк.

Яраги сразу все понял, когда увидел мои растерянные глаза.

– Извини ее, Мадина. Она болтает, что можно и что нельзя.

– Да ничего страшного.

Яраги засобирался домой.

После его ухода Ризван рассказал мне о нем:

– Жаль мне его. Такой парень хороший, а не повезло ему. Года два назад ехал с женой в Кизилюрт, к ее родителям в гости. По дороге пьяный шофер КАМАЗа врезался в их «девятку». Жена скончалась сразу, а его еле спасли. Полгода провалялся на больничной койке. Хорошо, что девчонку с собой не взяли, оставили в Махачкале, у его матери. Сейчас он уже отошел, а поначалу смотреть на него больно было.

В ту ночь мне снился странный сон. Я стою в лодке, которая медленно плывет по течению реки. На одном берегу стоит Алекс, хмурит брови и зовет меня, а на другом стоит молча Яраги, рядом с ним Меседушка плачет, тянет ко мне руки и зовет меня: «мама, мама, не уходи!» Проснулась с такой тяжестью на душе, что расплакалась. «Ну почему мне не везет? Надо же, угораздило влюбиться в женатого мужчину!»

Я часто бывала у Ризвана дома за этот месяц. Однажды Ризван попросил меня погулять в парке с его дочкой, пока они с женой съезжают по делам. Ничего не подозревая, я отправилась в парк, решив заодно покатать Аидочку на качелях.

Я не узнала его сразу. Он стоял возле качелей и катал Меседушку.

– О, Мадина, здравствуй! А мы заждались тебя. Ризван пообещал мне помочь встретиться с тобой.

Я до того растерялась, что не ответила на его приветствие.

– Так вы с Ризваном договорились?

– Ну, да! А он тебя не предупредил?

– Нет!

– Да, некрасиво получается. Давай прогуляемся с детьми по парку и поговорим.

Мы шли по аллее парка. Девочки бегали и прыгали вокруг нас.

– Мадина, скажу сразу все, о чем хотел с тобой поговорить, не буду вилять. Ты, наверное, уже знаешь все обо мне. Когда я увидел тебя у Ризвана, я был шокирован. Честно говоря, не ожидал, что меня так серьезно заинтересует женщина, после смерти моей жены. Все эти дни я думал о тебе. Хочу с тобой встречаться. Намерения у меня самые серьезные. Только не говори «нет». Обещай просто подумать. Не скрою, что вижу в тебе идеальную мать для Меседушки. Смешно, да? Я во второй раз в жизни

тебя встречаю и сразу начинаю ухаживать за тобой. Ты все молчишь, почему? Мадина, я не прошу ответа сразу, ты подумай, хорошо?

Я думала всю дорогу, когда возвращалась в Краснодар.

Взвешивала все «за» и «против». С Алексом все порвано раз и навсегда – это однозначно.

Не хочу быть любовницей и содержанкой. Не так воспитана. Яраги. Он предлагал мне тихую спокойную жизнь со всеми вытекающими радостями. Рано или поздно мне нужно было выходить замуж, рожать детей. Я решила. Решила железно. Пора замуж. Лучше иметь в браке обоюдное уважение, чем пылкую, всепожирающую страсть, которая так же быстро угасает, как и вспыхивает.

Через несколько дней после моего приезда, я решила: пора действовать. Надо было вернуть ему его подарок – золотую цепочку. Я не хотела оставлять у себя хоть что-то, что напоминало бы мне Алекса. Завернув футляр, я пришла в его ювелирный салон. Увидев за прилавком знакомую продавщицу, я попросила ее:

– Передай это своему хозяину, пожалуйста.

В 18.00 я заступила на дежурство. Проходя в коридоре мимо входных дверей, услышала:

– Мадиночка!

Внутри все оборвалось. Это он! Медленно развернулась. Так и есть. Алекс. Довольная физиономия.

– Ну, наконец-то, а то я уже заждался. Мне возвращаться на Крит пора, а я не могу, пока тебя не увижу.

– Можешь спокойно уезжать.

Я чеканила каждое слово, а Алекс все старался обратить в шутку:

– Ой-ой, какие мы холодные, даже ледяные. Хочешь, я тебя согрею, ты оттаешь в моих огненных объятиях?

– Алекс, хватит шутить. Ты меня прекрасно понял. Все, Алекс, все. Любовь прошла, завяли помидоры, ботинки жмут и нам с тобой не по пути. Роль второго плана не для меня. Возвращайся на Крит к своим детям и жене. Ей будет очень неприятно, если она узнает, что ты ей изменял.

Алекс схватил меня за руку и с силой притянул к себе.

– Я не люблю, когда меня кидают и возвращают подарки. Я поставлю тебя на колени. Все будет так, как я тебе предложил.

Звонкая пощёчина была ему ответом. (Хорошо, что больные не видели).

В этот момент кто-то схватил Алекса за плечо. Яраги! Откуда он здесь?!

– Парень, отпусти руку моей невесты. Если ты мужчина, давай выйдем отсюда и поговорим по-мужски.

Они начали спускаться вниз по лестнице на улицу, я за ними:

– Яраги, не надо, прошу тебя!

– Иди в отделение и сиди там, пока я не приду.

Мне ничего не оставалось делать, как вернуться в отделение и мерить шагами ординаторскую вдоль и поперек.

Через полчаса ожиданий Яраги позвонил мне в коридор:

– Ты можешь отпроситься с дежурства?

– Постараюсь.

Николай Семенович без лишних слов отпустил меня.

– Я целую ночь ехал на машине сюда. Потом отдохнул и выспался в гостинице. Да, кстати, был у вас дома. Дядя Рашид и Ризван передали вам сумку, но сама понимаешь – это был только предлог, чтобы поближе познакомиться с твоими родителями. А я, вообще-то, за ответом приехал. Ну, что ты решила?

Яраги быстро-быстро тараторил, не давая мне вставить словечко.

– Что ты решила? Тебе, значит, нужен ответ? Вот тебе он – «да!»

– Мама, мама! Она глазки открыла! Сейчас плакать и кряхтеть начнет!

Меседушка, как часовой на посту, охраняла сестренку Заирочку, которой исполнялся второй месяц.

– Сейчас мы ее покормим.

Нежные губки причмокивали в ожидании еды. Господи, какие у меня красивые, славненькие дочки – Меседушка и Заирочка! Спасибо судьбе и Богу, что подарил мне такого любящего, внимательного мужа. Теперь я с полной уверенностью могу сказать: «Да, я счастлива и наконец-то я дома!»

Фазир Муалим

Между двух зеркал

* * *

Я расскажу тебе про
Тайну мою и грусть.
К окну подойди, открой:
Молнии бьют и гром
Громыкает? – пусть, пусть!
В спящую тьму взглядысь:
Это и есть жизнь.
...столько веков лежали
На дне сундука скрижали,
Тайнопись – нам двоим...
С именем твоим,
Заворожён,
Я погружаюсь в сон,
а-А-арон...
Так ли всё это? Полноте!
Ну и дела плохи:
Ни грома и ни молнии –
Сполохи.
В склеп или в грот – в гроб!
Ох, навязали игру:
На тебе, на. А-а-а!
В тело ввернули ребро.
Не беспокойся, бро:
Я не сойду с ума
И весь не умру.

* * *

В тоске неизбывной, дикой
Вставал и ложился с книгой.
Той, что вложил мне в грудь.
Здравствуй, Арон, здравствуй!
Будь не устами – яством:
Телом и кровью будь.
Evening, Aron, evening!
В Москве зачастили ливни –
Я засобрался в путь.
Не век же стоять мы будем
На-а-а-а-а
перепутье.
Сдвинемся как-нибудь.

* * *

Когда ночью лежишь на пригорке,
и смотришь в небо,
и звезды перебираешь,
тогда понимаешь, или даже видишь,
как много на свете тебя.
Тогда понимаешь и чувствуешь,
как много судеб на свете.
И каждая судьба – страшная,
каждая – бессмысленная.
Всех не охватишь и не изменишь,
не осилишь.
Я бы хотел, чтобы в мире
остались два человека.
А потом объявился бы третий,
и я бы следил за его судьбой.
Ночью. Лежа на пригорке.
И в этом и был бы смысл его жизни –
да-да, его, а не моей –
до утра.

* * *

От Александровского сада
До Александровского парка,
Собрав стихи – вот всё, что надо, –
Я выхожу свой путь оплакать.

И горит мой посох
То в шипах, то в розах,
Я иду с ним по свету по слезам и по Суху.

От Александровского парка
До Александровского сада
Мир, словно келья или дарга,
Весь окроплён зерном граната.

Прикоснись руками –
То дитя, то камень,
То хрустальный идол в оконной раме.

От Александровского рая
До Александровского ада
Там жили две соседки: Рая –
Одна из них, другая – Ада.

Дин! дин!
Аааавгустиннн!
Всё прошло, прошло, прошло...
Что прошло, то – мухлухо...
Мухлуло... мух...цвело...
На Сухо-
Ммммммммммммммммммммммммммммм
мосту.

* * *

Мы – не врем. Слова – врут нам.
Что на них слаться!
Слышишь, вода дышит под грунтом –
Ищет прорваться.

Брело-колобродило.
Слово обезводело.

Кто-то теперь к новым истокам
Путь пролагает?
В-о-о-т идёт медленно, долго
Эра другая.

Со-ле-ле, си-ле-ло.
Слово обессилело.

Клятву молчанья? – Руку! – Готово:
Экая малость...
Но – проиграл ведь битву со словом:
Слово прорвалось.

Бродило и бредило.
Словом, такие дела.

* * *

Я времени карманы выворачиваю,
Вытряхивая ворохи событий –
Не-бывших или бывших, но забытых.
И всё, что мнилось навеки утраченным,
Вдруг откровением или открытием,
Пройдя в игольное ушко разлуки, –
Всё возвращается на круги.

* * *

Друг мой глядит с моста
В тёмные воды лет
И говорит: «Суета.
Всё – суета сует».
Шепчет: «Я очень рад.
Что ты? Как будто врос!
Это не мост Сират,
А Патриарший мост.
Всё – пустыки, всё – прах.
Видишь, издалека,
В тёмных моих глазах
Дремлет Москва-река.
Вот – настоящая, друг,
Жизнь: между двух зеркал...
Мне показалось вдруг
Или ты что-т сказал?»

* * *

По горло мы сыты ими –
До тошноты, до рвоты! –
Метафоры, метонимии,
Синекдохи и литоты...

...А хочется без ухищрений
Всем правильностям вопреки
Короткого стихотворения
Хотя бы в четыре строки...

Метафоры - это невроты.
А хочется простеньких слов.
Стихов – чтобы: розы-морозы.
Иль даже чтоб: кровь-любовь.

**Открытие персональной выставки Сефика Амаева
«Мое видение» в Театре поэзии.
Фото Г. Расулова**

17 января в Театре поэзии состоялся вечер памяти артистов ансамбля имени Александрова
Фото Г. Расулова

